

АЛЕКС
КОВАЛЬ

АННА
МИШИНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Девочка Грома

Алекс Коваль
Анна Мишина
Девочка Грома

<https://litres.ru/74507957>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я смотрю на него – он смотрит на меня.

Его тяжелый взгляд снится мне уже целых две недели. Обвиняющий, осуждающий, потом растерянный, а на яву злой. Терзает мое сердце с той самой ночи, когда я позорно сбежала на самом пикантном моменте из номера отеля.

Тогда я спасовала. Струсила.

А теперь? Теперь вот слов нет. Только накрывающий с головой стыд от осознания того, что мужчина, который завладел моими снами и с которым у меня был курортный роман, теперь мой новый преподаватель.

Так конкретно влипнуть могла только я!

Содержание

Глава 1	4
Денис	4
Глава 2	18
Денис	18
Глава 3	32
Яна	32
Глава 4	47
Денис	47
Яна	51
Денис	55
Яна	58
Денис	60
Глава 5	63
Яна	63
Денис	78
Яна	81
Глава 6	85
Денис	85
Яна	91
Денис	99
Г	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Алекс Коваль, Анна Мишина Девочка Грома

Глава 1

Денис

Мерзкое утро.

И состояние тоже мерзкое.

Я понимаю это, еще даже не открыв глаз. Выныриваю из забытья, как по щелчку. Тут же по уши окунаясь в новый день.

Перекатываюсь на спину, вдыхая полной грудью. Тупая боль пульсирует в висках, зажимая качан в тиски. В горле пустыня. Сердце рвет грудную клетку. Тело ломит. Ощущение, будто я вчера по старой памяти дал добрый десяток километров по пересеченной местности. Разваливаюсь к херам.

Желание сдохнуть в данный момент достигло своего апогея.

Похмелье. Давно я не упивался до такого состояния, что

даже думать больно. Старость, однако, совершенно не в радость. В сорок жизнь, по ходу, заканчивается.

Но самое поганое – это то, что, даже нажравшись до порсячьего визга, я не вытравил эту пигалицу из головы! Вторую, мать твою, неделю я просыпаюсь с ее образом перед глазами, огромным стояком и мечтами вздернуться.

Ничего не помогает! Ни беспорядочный секс, ни тонны алкоголя, ни даже работа. Та, которая раньше компенсировала недостаток абсолютно всего.

Это клиника. Ее крайняя степень. Я больной на голову убудодок, зациклившийся на одной единственной бабе, которая как рыбу на крючок зацепила. День за днем. Ночь за ночью. Мудак.

Пока я с извращенным удовольствием занимаюсь самобичеванием, рядом слышится шорох покрывал.

Какого...?

До слуха долетает возня на кровати, матрац прогибается, и приятный женский голос на ухо говорит:

– Денис...

Ох, зашибись, Громов!

Мало того, что я нахерачился, так еще и до дома не доехал. Похоже, отключился прямо в отеле. Регистрация в номере, и это, в принципе, последнее, что я помню.

– С добрым утром... – снова игривый шепот. Я не успеваю даже среагировать, как незнакомка забирается на меня верхом. Чувствую прикосновение женских ладоней. Они прохо-

дят ногтями по моей груди. Царапают. А следом за ними губы. Горячие. Исследующие шею, грудь, живот, все смелее и активней подбирающиеся к восставшему из мертвых "Грозову младшему", который, зараза, дернулся. Слышу одобрителный смешок. Дамочка, видать, приписала заслуги на свой счет, вот только ни хрена подобного. "Воскресли" его далеко не ласки ночной незнакомки, которую я, пьяный в драбадан, подцепил в каком-то второсортном баре. А мысли. Гребаные мысли о девчонке. И во сне. Даже во сне!

Открыв глаза, я даже и не удивлен тому, что в районе паха вижу блондинистую макушку. Все по стандарту. По шаблону. Светлые волосы, хрупкая фигурка. Все, как и последние две недели. Предсказуемый я до жути.

Идея, сука, фикс!

Вот только не та.

Девушка, к моему стыду, имя которой я даже не помню, поднимает взгляд. Откровенно пошло улыбается и стягивает с меня покрывало. С намеком облизывает свои губы, обхватывая ладонью колом стоящий член. А я со злостью откидываю обратно голову на подушку.

Не то, блядь! Все не то! Губы тонкие, глаза зеленые, черты лица грубые. Тяжелые. Их не хочется зацеловать. Их не хочется касаться. На них не тянет, как магнитом, смотреть. Смотреть и впитывать каждую мелочь, каждую родинку и веснушку. В ее глазах не тонешь.

Не она. Не Яна.

На трезвую голову эта грубая реплика совсем не торкает. Не хочу. Хоть и звенит все внутри. Но не на нее.

Однако девушка настроена решительно. Ее ладони пришли в движение. А вот я уже на грани того, чтобы отогнать губы и прочие части загибающегося тела девчонки от своих стратегически важных органов. Грубо послать лесом, оказавшись последней скотиной. Но на мое счастье, тишину номера разрывает ор трубки. Телефон.

– Прости малышка, не сейчас.

Я отцепил от себя женские руки и поднялся с постели. С небывалой для похмельной туши прытью, но с трудом воображая, где орет мобильник, нашел джинсы. Вытащил гаджет из кармана, отвечаю, не глядя на экран. И с разбегу нарываюсь на злое:

– Ты совсем страх потерял, Громов! И это не вопрос!

– Лена? – все же приходится покоситься на имя вызываемого абонента.

Елагина.

Твою ж...! Какое сегодня число?

– Тебя где черти носят, кот ты блудливый?! У тебя лекция у третьего курса через полчаса, а ты даже не близко к универу.

Задница.

– Ректор про тебя уже спрашивал.

Жирная задница.

– Откуда ты знаешь, что я не подъезжаю уже? – спраши-

ваю, а сам оглядываю номер в поисках оставшихся шмоток.
– Ты слишком плохого обо мне мнения, Елен Санна.

Вот они. Боксеры, джинсы, джемпер. Сноровку, оказывается, еще не потерял. Меньше минуты, а я уже ботинки натягиваю. Несмотря на похмельный синдром и слабость в конечностях.

– Я тебя знаю, как облупленного.

– Я уже заворачиваю на парковку.

– Денис, ты куда? – долетает из спальни вопль, который я напрочь игнорирую. Хватаю с полки в коридоре портмоне и подцепляю пальцами косуху с вешалки. Достаяю и кидаю на тумбу приличную стопку крупных купюр и вылетаю из номера, не прощаясь и не расшаркиваясь с блондиночкой. Дежурные фразы типа: спасибо, все было круто – не в моем стиле. Я ухожу молча, по-английски. Благо, ни одна из “них” еще не жаловалась.

– Дени-и-ис! – летит мне в спину из спальни. Мать моя женщина, вот это визг! Какое счастье, что я вчера был под волшебными чарами крепкого виски.

– А это, надо думать, сигнал светофора, да, Громов? Что-то я не припомню, чтобы он у нас бабским голосом пел, – ехидничает старая знакомая в трубке.

– Не нуди. Двадцать пять минут, и я на месте. Еще целых пять будет в запасе. Ты же меня знаешь.

– Если тебя не будет к началу занятий...

– То что? Уволишь? Так давай прямо сейчас, Лен? По-

перек горла у меня твои студенты сидят. Работы завались в агентстве, а я с бубнами вокруг желторотых сопляков с уголовного плясать должен. Где я, а где универ, серьезно? – рычу, и сам начиная заводиться, колошматя пальцем по кнопке лифта. Долбаная железяка все никак не приедет, башка сейчас рванет, и пить хочется, пиздец как. А я тут, как малолетний пацан, выслушиваю.

– Шиш тебе жирный, Громов. Не уволю, а еще и пятый курс на твою шею посажу! И дипломников подкину, чтобы жизнь малиной не казалась. Будете у меня вместе отжиматься на защите.

– Скажи, ты за что меня так люто ненавидишь, Елагина? Я вроде жизнь тебе не портил, дорогу не перебегал, навстречу с пустыми ведрами не шастал. Так какого х...?

– Не выражайся! – шикнула собеседница. – С этого дня ты преподаватель университета, а не директор кучки бывших оперов. Десять минут. Десять, Денис! Не подставляй меня! И так нарываюсь на гнев Геры. Если он узнает, что я к тебе за помощью обратилась, такое казарменное положение мне устроит дома... Так еще проблем с ректором мне не хватало в довесок. Я на тебя рассчитываю, и я тебя жду. Аудитория триста три. Десять минут, Громов! – угрожающе рыкнула Лена в трубку и тут же ее бросила.

Вот же... коза.

Я мысленно выругался, набирая номер такси. За полчаса долететь до дома, а потом домчать до универа – практиче-

ски “Миссия невыполнима”. А уж про «привести свою мятую морду в более-менее сносный вид» вообще молчу! Придется молодежи лицезреть обросшего аборигена с густой бородой и подвыпившими глазами.

Клянусь, не будь у нас с Елагиной за плечами почти двадцать лет крепкой дружбы, я даже пальцем бы не пошевелил...

В универ я залетел ровно в восемь пятьдесят пять. Как и обещал, за пять минут до начала лекции. Минута в минуту.

Парканул машину с визгом шин на первое попавшееся свободное место и, поставив на сигналку, полез в карман за телефоном. Ибо я понятия не имел, где в этой богадельне триста третья аудитория.

Вот только набрать Елагиной не успел, она сама вылетела мне на встречу. Выпорхнула из дверей, зло зыркнув своими серыми глазами, махнув рукой.

– Явился! – шикнула женщина, дождавшись меня у дверей и тут же потянув за рукав пиджака в сторону лестницы.
– Ох, Громов, в следующий раз, когда я решу попросить у тебя помощи, напомни мне, что это отвратительная идея.

– Напомню. Не сомневайся, Елагина.

– Елена Александровна, Денис! – поджала губы подруга.
– Здесь по имени отчеству. И вообще, что за вид?

– Что с ним не так?

– Ты свою бороду видел? Детей мне тут пугать будешь?

– Твои детям уже за двадцать, не капай мне на мозг, Лен Санна, – отмахнулся я. – Они и сами кого хочешь напугают.

– Ох, какая я дура, Громов. Нет, какая дура! Нашла, кого в преподаватели взять!

– Это да, – не стал я даже кривить душой.

Лена зло зыркнула через плечо в мою сторону и быстрее припустила, стуча каблуками по коридору.

Мать моя женщина! Пока мы дошли до нужной аудитории, я успел бы десять раз заблудиться и еще десять покинуть универ к херам. Зачем здесь столько корпусов и зданий, а главное, как в них разбираться на трезвую голову – вообще непонятно.

– Елен Санна, ты мне схему выдашь? – ухмыльнулся я, когда впереди замаячила дверь с табличкой триста три.

– Что? Какую еще схему?

– Здания. А то, боюсь, я буду каждое утро приходить к последней паре. У вас тут с этими корпусами сам дьявол заблудится.

– Очень смешно, Громов! И ты еще каким-то чудесным образом отслужить умудрился?

– Топографический кретинизм – штука неизлечимая.

Взгляд у Ленки был такой, что я уже готовился получить хорошую затрещину.

Рука у нее, кстати, тяжелая. Пару раз приходилось в армии получать от строгой Елагиной, тогда еще в девичестве Морозовой. За свой максимализм зеленый и порыв юноше-

ский. Но, если честно, кто у нас только не заглядывался тогда на молодую длинноногую медсестричку в части?

– Вот смотрю на вас, Денис Игоревич, и думаю: бороду отрастил, мышцы накачал, поседеть успел, а вот поумнеть... увы и ах.

– Еще заведи свирель на тему: у всех в твои годы уже дети идут в универ, а ты даже женат ни разу не был. Давай-давай, добивай, Елагина, – отмахнулся я, поправляя пиджак. Уже и не помню, когда в последний раз вообще костюм напяливал. Разве что на особо важные встречи. Наверное, из-за этого чувствую сейчас себя не в своей тарелке.

– А вот и заведу! Взрослеть пора, волк одиночка, – прозвучало почти как “псих”. Ну, и хрен с ним. Травма у меня. Детская. Непереносимость семейной жизни называется.

В мысли снова не вовремя влезла Янка, и это странно – вспоминать о ней в контексте с женитьбой. Мне нужен был секс от этой голубоглазой утонченной малышки, но никак не семья и кучкаスピノгрызов. Тогда какого же хрена меня до сих пор так штырит и колбасит?

– Кстати, о взрослении, – стушевалась Елагина, притормаживая меня у дверей в аудиторию. Оглянула пустой коридор и снова посмотрела на меня.

– Да ладно, Ленн Санна, ты умеешь смущаться?

– Это не смущение, а волнение.

– А вот это уже интересней, – заложил я руки в карманы брюк. – Выкладывай.

– Тут такое дело, дочка моя учится в твоей группе. Уля. И она не должна знать, что мы с тобой знакомы, Громов. Еще не хватало, чтобы информация до Геры дошла. Он будет в бешенстве! Но и это еще не все.

– Даже так?

– Гера думает, что Улька наша на гражданском учится. Он категорически против уголовного права. Дома аж до скандала дошло, чуть не развелись к чертям! Вот только Улька у меня девчонка с характером...

– Есть, однако, в кого.

– Однако, да, – улыбнулась тепло Елагина. – В общем вот, – кивнула женщина и потянула руки к воротнику моей рубашки, машинально поправляя, – пока что для Германа дочка у нас учится на направлении гражданского права. Никаких тебе убийств, наркотиков и прочей прелести.

– И когда вы собираетесь грозному Елагину рассказать правду?

– Когда-нибудь, – отмахнулась Ленка, – будет время – будет пища. Пока вот так. Ладно, все. Давай, Громов. Не подведи меня! – напутственно хлопнула меня по руке подруга. – Вот как раз звонок. Ты это, построже там с ними. Особенно с женской половиной, а то, чувствую, сейчас растекутся наши девки лужицей.

У меня аж брови взлетели и глаза навывают.

– В смысле?

– В коромысле, Денис. Как будто я не знаю, как на тебя

бабы реагируют!

– И тем не менее, с тобой это не прокатило, Ленка.

– Потому что я была умная.

– Хорошего же ты мнения о своих студентах.

– Иди давай, абориген бородатый! – практически впихнула меня в дверь Елагина, издевательски посмеиваясь в спину.

Ох, мать твою, и почему у меня ощущение, что я не за преподавательский стол иду, а на плаху?

И таки да, стоило мне только переступить порог огромной многоуровневой светлой аудитории, голоса десятка бедолаг с уголовного стихли. Шепотки прекратились.

Ладно, что я, в самом деле. Сорокалетними лбами командую, а тут со шпаной двадцатилетней не совладаю? Они у меня еще по струнке ходить будут и реагировать на каждый шорох. Выдрессирую, мать родная не узнает.

Я под сопровождения гробовой тишины прошел к длинному преподавательскому столу. Встал лицом к студиям и пробежал глазами по лицам. Привычка оценивать ситуацию с ходу уже за годы отработана.

Так, что мы имеем?

Пятнадцать человек. Десять парней и пять девчонок.

Интересно, какая из них Елагина?

Что ж, разберемся по ходу. Но одно могу сказать точно: не представляю, какие из этих расфуфыренных краль потом получатся следователи и дознаватели. Про оперуполномочен-

ных вообще молчу. Тут не то, что автомат в руки страшно дать. Я бы даже водный пистолет половине из этих девчонок не доверил.

С парнями дела обстоят куда веселее. Пару-тройку хоть сейчас взял бы к себе на работу в частное агентство. Остальные ни то ни се, но по окончании универа вполне рискуют стать неплохими спецами.

– Доброе утро, господа студенты, – наконец-то решил я открыть рот и толкнуть приветственную речь. А то глаза у половины навылупку, а другая половина опасливо косится на дверь. Еще секунда промедления, и моя первая пара потерпит фиаско. Ловить буду потом по всем гребаным корпусам.

– Доброе, – слышался нестройный ряд голосов от испуганных до заинтересованных.

Может, реально надо было бороду сбрить, а то на дровосека похож?

Нет. Опоздал бы. Ленка бы покусала.

– А вы... – взлетела рука парнишки в джинсовой рубашке.

– А я ваш новый ночной кошмар. Громов Денис Игоревич, будем знакомы. С этого дня и на ближайшие полгода точно я буду преподавать вам “уголовное право”.

По аудитории полетели удивленные шепотки. Студентики начали переглядываться, а женская половина перемигиваться.

Ну, все, пошло, поехало...

– Скажите мне, все здесь? – спросил я, подтягивая к себе лежащий на столе список с фамилиями.

– Нет. Еще одна девушка немного задерживается. Уже вот-вот... – начал тот же самый парнишка с дальнего ряда, который, очевидно, в этой группе самый смелый. Только его “вот-вот” прервал звук открывшейся в аудиторию двери.

Я и бровью не повел, когда по бетону зашелестели шаги. И глаз от списка не поднял, когда в нос ударил отдаленно знакомый аромат духов. Женских. Но зато когда в ухо ударил до чертиков знакомый голос, сказавший:

– Прошу прощение за опоздание.

Меня аж подбросило. Внутренне. Но тем не менее.

Взгляд я поднимал медленно, как замороженный. Предположительно теми самыми голубыми глазами-льдинками, что доканывают меня каждую, сука, ночь.

Хотя, конечно, надежда на то, что у меня просто съехал чердак, все еще была.

Белые кеды, аккуратные щиколотки, даже не спрашивайте, как я умудрился их так быстро рассмотреть. Просто знал! Стройные ноги, обтянутые в синие джинсы, идеальная попка, потрясно уместающаяся в моих ладонях (это тоже, как клеймо, в мозгу отпечаталось), и хрупкая фигурка, спрятанная за свободной джинсовой рубашкой. Длинная, тонкая белая шея и светлые волосы до плеч, уложенные небрежными волнами.

Яна.

Это была она.

Мучительница. Забравшая с собой мой сон и покой. Вот уже две гребаные недели! Девчонка, которая что-то надломилась в моем мозгу, сбежав. А теперь топталась на пороге, смотря мне в глаза своими бездонными голубыми океанами, будучи ошарашенной не меньше, чем я.

– П-простите... – заикаясь, выдала Яна, бегая взглядом с одноклассников на меня и обратно.

Меня же в одно короткое мгновение обуяла изнутри дикая злость. Обожгла. Не на девчонку, на себя. И я рыкнул, не успев скорректировать тон:

– Фамилия!

Янка вздрогнула. А вместе с ней и мои нервы. Вместе с другими стратегически важными частями, которые вставляли по стойке смирно неизменно каждое, мать его, утро!

– Е-Елагина. Ульяна Елагина.

Все. Все, на хер, легло. Вот это я конкретно встрял.

Глава 2

Денис

Две недели назад. Сочи.

Блондинка.

Я последний день в командировке, и оставшуюся работу делаю с ее образом в голове. Реплика: пытаюсь делать.

Это какое-то долбаное помешательство. Я никогда не любил блондинок. Никогда! Как и любого мужика, меня всю жизнь преследовал общепринятый шаблон, и таких, как эта я, обходил по кривой дуге.

Но тут меня переключило, да так, что я то и дело возвращаюсь мыслями к ней.

Она здесь отдыхает. А я по работе. Хорошо ли то, что мы живем на одном этаже одного и того же комплекса? Пока не могу понять.

Но сегодня последний день, и завтра на семичасовом рейсе я возвращаюсь в столицу. Самое смешное, что я, как последний идиот, не спросил все еще у нее номера телефона.

Откидываюсь на спинку кресла и прикрываю глаза. Последние дни отрывочными картинками пролетают перед

глазами.

Я помню первый день, когда столкнулся с ней у лифта и пропал в ее чистых огромных глазах. Помог донести сумку, которую она выронила.

Хренов джентльмен!

И только остановившись у ее номера, понял, что даже не спросил ее имени. Надо было исправляться.

— Яна, — чуть улыбнувшись, протягивает она мне свою тонкую, хрупкую ладошку.

— Денис, — отвечаю пожатием ее прохладных пальчиков. Их даже сжать как следует страшно! Про то, что ее хрупкая ладонь теряется в моей широкой грубой ладони, вообще молчу.

Залип.

Самое идиотское, что я не хочу лезть и выискивать, чтобы узнать, кто она такая... Не хочу. Впервые от одной мысли нарыть на малышку досье внутри идет отторжение. Хочу нормального, человеческого знакомства. Без фальши, без закулисных игр и каких-то заморочек. Хочу именно так, как у нас с ней все и происходит.

Пару дней назад мы столкнулись в ресторане, что находится на первом этаже, и приятно провели время. Просто болтали. Ни о чем. Никакой конкретики и рассказов о себе. Я впервые почувствовал себя моложе своих лет. Гораздо! Она ведь молоденькая... Совсем. Точно восемнадцать, а вот дальние даже прикинуть не могу. Плюс года два, не более

того. В сравнении с моими сорока – малышка.

Утонченная, такая... кажется, эфемерная: дунь на нее неосторожно, и она растворится. Еще и платья под стать своей фигурке выбирает. Воздушные, летящие. Ангел. И совершенно не для того крупногабаритного медведя, как я.

А я хотел продолжения. Впервые в жизни я хотел какого-то гребаного продолжения.

Но утром я улетаю. Поэтому собираюсь с ней поговорить и наконец взять номер телефона.

Как сопливый юнец, твою мать!

Завершаю работу почти в девять. Весь день угробил на какую-то ерунду. Но завершить дело в срок – это уже принцип. Поэтому скрипя зубами, поглядывая на часы, я все же выгребая свою задницу на улицу, сдав охраннику ключи от офиса, который мне подогнал Дам.

До отеля минут десять пешком. И я, наконец, за последние дни позволяю себе прогуляться, не торопясь. Собрать мысли в кучу, подышать морским воздухом и отчитаться перед другом за проведенную мной и моими ребятами проверку в его отелях.

Долго разговор по телефону с Абашевым не длится. Его там ждет жена и мои любимые крестницы. Поэтому я, коротко отрапортовав и условившись с ним о встрече по прилете, кладу трубу и осматриваюсь. Вокруг гуляют парочки, смеются дети, у кого-то собака сорвалась с поводка и с радостным лаем удирает от хозяина. Я же, усмехнувшись

своим мыслям, прибавляю шаг и тороплюсь к Яне.

Уж очень я хочу провести этот вечер с ней.

Пройдя лобби отеля, поднимаюсь на нужный этаж, перешагивая через ступеньку, а то и две. И вот оказываюсь около ее номера.

Заношу руку для удара. Но почему-то медлю. Блядь, Гром, где твоя уверенность? Ну? Тебе лет-то сколько? Никогда меня еще так не вело, и в груди не грохотал от неуверенности мотор.

К черту.

Снова заношу руку и наконец стучу. Раз, другой. Но в ответ тишина. Конечно. Будет такая куколка сидеть и ждать тебя.

Разочарование падает на плечи невидимым грузом. Облом, Денис Игоревич.

Развернулся на пятках и направился не в сторону своего номера, а в сторону бара, который также находился на первом этаже. Но спустившись, обращаю внимание на музыку, доносящуюся с улицы.

Выхожу и иду в сторону приятной мелодии. Ах, да. Я и забыл, что на территории развлекательного комплекса находится впечатляющий музыкальный фонтан. И открытый бар, кстати. Залью свое "горе" там. Тем более, ночь выдалась безоблачная, теплая и охеренно звездная.

Отдыхающие кучкуются у фонтана, который под знакомую песню, кажется, легендарных Scorpions, выплескива-

ет в такт под музыку струи, освещенные цветными огнями. Выглядит эффектно, дух захватывает. Достойное зрелище. За душу берет, хотя меня эстетом и романтиком-то не назвать.

Я отрываю взгляд от красоты и обвожу взглядом присутствующих. Останавливаюсь на копне светлых волос. Сердце тут же подпрыгивает к горлу, проваливаясь в желудок. Я, как загипнотизированный, иду в ее сторону.

Оказавшись у нее за спиной, укладываю руки на тонкую талию. Девушка в легком сарафане, поэтому я чувствую жар ее кожи мгновенно.

Она вздрагивает от моего прикосновения. Оборачивается. Ее испуганный взгляд тут же теплеет. А губы трогает нежная улыбка.

– Привет, – говорит одними губами.

– Привет.

– Красиво, правда? – снова возвращает свой взгляд к фонтану.

А я готов кайфовать от того, что она вот так близко стоит ко мне и не пытается сбежать. Красиво? Да просто охрененно! Ничего красивей этой улыбки, этого чуть вздернутого носика и горящих глаз в своей жизни я, кажется, не видел и уверен, что уже не увижу. Такое не стереть и не переплюнуть.

Мои руки чуть сжимаются на ее талии, а нос утыкается в светлую макушку, что до плеча мне едва достает.

Вдыхаю ее запах и дурею.

Интересно, она то же самое чувствует, что и я? Вот это притяжение, магнетизм бешеный... как, блин, его еще назвать? Я не знаю! Но это может довести до ручки. Уже искрит. Везде. И мне хочется ее касаться как можно чаще, ближе и провокационной.

Громов, психушка по тебе плачет. Как бы не испугать девчонку.

Когда представление заканчивается и начинается новая композиция, Яна берет меня за руку. Я удивленно смотрю на наши переплетенные пальцы. И чувствую правильность происходящего.

– Пойдем. Там бар. Делают отменные коктейли, – она улыбается и тянет меня в том направлении.

А я и не думаю сопротивляться.

У барной стойки молодняк. Но нам удается найти себе местечко и заказать по напитокку.

– Я хотел поговорить, – склоняюсь ближе к ней и говорю чуть ли не в самое ушко. – Я утром уезжаю. А только сейчас понял, что у меня нет твоего номера телефона.

– Оу! – вскидывает на меня свои серо-голубые глазки, закусывает губку. Алую. Пухлую. Которую так и хочется попробовать. – Так быстро?

– Я закончил работу, в столице дел полно. Я физически не смогу вырвать еще хотя бы пару дней, – почему-то я чувствую, как самому ни черта никуда не хочется ехать.

– Если ты, конечно, хочешь, то я оставлю тебе номер, – снова улыбается.

Сколько проходит времени, пока мы болтаем, не замечаю. Я даже умудряюсь выловить из ее рассказа, что она студентка. Но откуда она, не говорит. А я и не навязываюсь. Не хочет, не надо. Все постепенно. С этой девочкой я хочу все постепенно, не торопясь. Смакуя каждую секунду, находясь рядом с ней. Вдыхать ее запах. Охренительно сексуальный запах. Ведь я стою рядом, а в штанах член колом. Только от ее присутствия в непосредственной близости.

Замечаю, как в ее глазках появляется блеск. Немного алкоголя добавило ей решительности. Уже хорошо. Значит, у меня есть возможность сократить между нами дистанцию.

– Пора расходиться, проводишь? – спрашивает она, просьба невинна. Но я бы хотел услышать в ней подтекст. Но нет.

Беру ее за руку, и мы идем в сторону основного здания, где расположены номера отдыхающих.

– И часто ты ездишь по таким местам в командировки? – задает вопрос.

– Когда как.

– И чем ты занимаешься? Как вообще можно работать в таких вот местах? Тут же только отдыхать можно, – говорит она и тут же вдруг толкает меня в сторону от себя, и я попадаю под струю воды.

Фонтан! Музыка играет тихо, и струи воды хаотично выстреливают. Вот на пару таких я и попал, тут же промокнув.

Яна заливается смехом, оставаясь в стороне. Ну, держись!

Поймав мой взгляд, она взвизгивает и уже срывается с места, но я успеваю ее схватить за талию и притянуть к себе. И в этот самый момент нас окатывает холодной водой.

– Ай! – завизжала девушка. – Так нечестно – отпрыгивает от меня. В глазах смешинки, на губах плутовская улыбка.

– Еще как честно. Моя рубашка мокрая. А ты почти сухая...

– И штаны ты слегка подмочил, – снова закатывается смехом.

– Все, хватит надо мной глумиться. – Снова ловлю ее и отрываю от земли, несу в самый центр этого водяного чудища, которое непонятно каким образом и по какой схеме выплескивает свои струи.

– А-а-а, отпусти! Нет, я не хочу.... Холодно! – смеется и визжит, когда нас снова окатывает водой.

Ставлю ее на ноги. Она отступает, словно боится моей близости. А я, наконец, понимаю, что ее сарафан промок практически полностью. И мокрая ткань, ставшая полупрозрачной, облепила стройную фигурку девушки. А гла-

за застывают на ее груди. Замерзла так, что соски топорщатся и видны острыми пиками. Я сглатываю с трудом.

Ее волосы намокли и сейчас свисают сосульками. Даже в таком виде она идеальная. Такая, что хочется...

И то, что хочется, я делаю именно сейчас. В пару коротких шагов подлетаю к ней и, обхватив за талию, прижимаю к себе, вырывая стон из нее. Подхватываю за подбородок, заставляя посмотреть на меня. Она маленькая. И тем больше кажется хрупкой, тоненькой. Не сломать бы под своим напором.

Наши взгляды встречаются. Спускаюсь глазами по ее личику и застываю на приоткрытых алых губах, которые контрастируют с белоснежной кожей.

Накрываю ее губы своими. Пробую на вкус. Сладкая. Такая сладкая, что простреливает током по позвоночнику до мозга костей. А в голове еще немного и взорвутся фейерверки, салютуя.

Яна обхватывает меня за шею, прижимается. Дрожит. Ее дрожь моментально отзывается в моем паху, и джинсы начинают болезненно давить.

О, девочка, сегодня я тебя никуда не отпущу. Главное, что то же желание я отчетливо вижу в ее невероятных глазах.

Подхватываю ее на руки и направляюсь в сторону отеля. Там, быстро минуя холл, поднимаемся на наш с ней этаж. По пути останавливаясь, припадая друг к другу с жадными,

снимающими, уничтожающими воздух в легких поцелуями. Ее язычок у меня во рту, ее руки у меня под футболкой, а мои мнут упругую попку...

М-м.

Млять, я так и до номера не дойду, финиширую здесь, в штаны. Как зеленый пацан, у которого и секса-то ни разу не было! Держусь до последнего, и все-таки добираемся с ней до моего номера. Все, малышка, теперь никуда от меня не денешься.

Прижимаю за плечи к себе и открываю номер, с трудом понав ключом-картой в замок. Вваливаемся в номер, и я тут же запинываю дверь за нами.

Наши губы сливаются в поцелуе. Ее прохладные пальчики блуждают под моей рубашкой. Оцарапывают, доводя до предела. Подхватываю ее под бедра. Упираемся в стену. Она обвивает меня ножками. Отрываюсь от ее губ, опускаясь к шее. Оставляю дорожку из поцелуев и добираюсь до ложбинки между грудей.

Матерь божья, невозможно чувствовать то, что творится у меня внутри! Буря, ураган, смерч. Там все горит адово! Я готов проглотить ее, полностью, целиком. Лишь бы не отпускать, даже на мгновение. Но нужно оторваться. Хотя бы на пару секунд, чтобы содрать эту мокрую тряпку, что разделяет нас.

Яна понимает мои мысли и поддается, поднимает руки вверх, а я стягиваю платье и откидываю его в сторону. За-

липая на ее груди с розовыми сосками, с губ слетает:

– Идеальная... – а пальцы тянутся к полушариям. Большой касается вершинок, а за ним и мои губы целуют сосок.

Яна стонет и выгибается, подавшись мне навстречу. Тянется к моей рубашке. Пытается растянуть пуговицы. Но это ей удастся с трудом. Ручки ее дрожат, поэтому, не дожидаясь, просто дергаю полы в разные стороны, и пуговицы отлетают в стороны. Скидываю и ее. Подхватываю девушку снова под попу и охреневаю от соприкосновения наших тел.

Девчонка всхлипывает, елозит. А я подаюсь бедрами вперед. Одной рукой пробираюсь к ее трусикам. Ткань мокрая. Нахожу чувствительный, набухший бугорок и чуть надавливаю на него. Яна тут же отзывается протяжным стоном.

– Вот так, девочка, – шепчу ей в губы, – какая же ты красавица, Янка...

– Денис...

От ее вздохов по коже бегут мурашки. Хочется еще большего контакта с ней. Ближе. Максимально близко! Да, я хочу скорее оказаться в ней. Почувствовать ее жар, ее напряжение. Поэтому несу к постели. Укладываю на кровать, а сам, не сводя с нее взгляда, стягиваю с себя брюки. Боксеры не тороплюсь снимать. Это пока единственное, что сможет меня удержат от торопливых и поспешных действий.

Опираюсь одним коленом о матрас и развожусь ее стройные ножки в стороны.

Боже, дай мне терпения не накинуться на нее!

Яна смотрит на меня, прикусив губу. Такая послушная и покорная.

Я склоняюсь над ней, удерживая вес на локтях. Начинаю по новой свое исследование ее тела. Нахожу точки, от прикосновения к которым она выгибается, стонет. Обхватывает меня ногами, прижимаясь все сильнее.

– Да, маленькая, я знаю, чего ты хочешь, – шепчу.

И я тебе это дам. Спускаюсь поцелуями ниже. Долго не могу оторваться от чувствительной груди, терзая соски. Провожу языком от груди по животу к трусикам. Подцепляю резинку пальцем и помогаю освободиться от них. Моим глазам открывается невероятное зрелище.

Сглатываю. Твою мать, я будто никогда не видел эякуляций. Облизываю вмиг пересохшие губы. Пальцами касаюсь припухших губок, чуть проникая вглубь. Яна тут же подается навстречу.

– Денис, пожалуйста...

Нетерпеливая. Мокрая. Склоняюсь над ней, устраиваясь поудобнее между ее ног и припадаю губами к клитору.

Девчонка всхлипывает, подается ближе ко мне. Прохожусь языком по складочкам, вылизывая, кайфуя от ее сладости. Вкусная. Так бы и сожрал. Ударяю кончиком языка по клитору, снова слыша ее стон. Впиваюсь в него губами,

посасываю, вывожу узоры языком. Снова и снова прохожусь по нему губами, всасываю, отпускаю.

– Сладкая, невероятная моя Янка...

Я чувствую, что Яна на пределе. И каждый раз, когда я прекращаю свои ласки, она жалобно поскуливает. Обхватывает мою голову руками, сама подставляется под мой язык, словно требует продолжения. Но я хочу ее слышать. И добиваюсь своего.

– Пожалуйста, – ее голос срывается на шепот. – Пожалуйста...

Еще и еще раз ударяю языком по чувствительному бугорку, доводя мальшику до сокрушительного оргазма.

Яна вскрикивает, сжимает мою голову бедрами, содрогается. И откидывается на подушки.

Я почти кончил. Мать вашу, сам чуть не спустил в трусы...

Снимаю их. Большие ждать я не могу. В тумбочке нахожу презерватив и встаю на колени у ее ног, разрывая зубами фольгу.

– Мне нужно выйти, – говорит охрипшим голосом.

– Сейчас?

Кивает головой. Ну, не запрещать же ей выйти в туалет. Поэтому укладываюсь рядом, проводя по члену рукой. Ловлю ее ошалевший взгляд.

– Я быстро, – поднимается с кровати и на дрожащих ногах направляется из комнаты.

Я откидываю голову на подушки и прикрываю глаза, все еще чувствуя ее вкус на губах. В голове крутится карусель картинок, что я буду с ней вытворять. Как буду ее любить... Но до слуха доносится щелчок закрывшейся входной двери, как раздавшийся выстрел в полной тишине, заставляя вскочить с постели.

Выскакиваю из комнаты. Включаю свет и понимаю, что Яна ушла. Потому что на полу остались только мои вещи.

Какого хрена? Какого, блядь, хрена сейчас происходит? Что я сделал не так?

Нырять в ванную, хватаю полотенце, повязываю на бедра и выхожу следом за ней. Но в коридоре тишина. Подхожу к ее двери. Стучу.

– Яна, что случилось? Я тебя обидел?

Но в ответ тишина.

– Яна, милая... – снова стучу. Но понимаю, что мне не откроют.

В груди разверзается черная дыра от непонимания и чувства, которое я не могу даже себе объяснить.

Возвращаюсь к двери своего номера и только сейчас понимаю, что она заперта. Ключ-то я не взял.

Мудак – твое второе имя, Громов. А делать нечего, так и приходится спускаться к администратору, чтобы попросить запасной ключ. Такой облом и позор я запомню надолго.

Глава 3

Яна

Я смотрю на него – он смотрит на меня.

Этот тяжелый, пробирающий до глубины души карий взгляд снится мне вот уже целых две недели. Обвиняющий, осуждающий, потом растерянный, а наяву... злой.

Терзает мое бедное сердце прямо с той самой ночи, когда я, позорно поджав хвост, сбежала на самом пикантном моменте нашего невероятного вечера в Сочи.

Тогда я спасовала. Струсила. Испугалась.

А теперь? Теперь слов нет. Только накрывающий с головой стыд от осознания того, что мужчина, который завладел моими снами и с которым у меня был курортный роман, теперь мой новый преподаватель.

Так конкретно влипнуть могла только я!

На щеки медленно наплзает румянец. Они уже начинают гореть. И даже любопытно таращащиеся одноклассники положение не спасают. Тишина в аудитории угнетает и давит на ушные перепонки, сердце стремится пробить грудную клетку. А когда Денис своим раскатистым басом еще и гаркнул: – Фамилия?! – захотелось сквозь землю провалиться. Та-

ких ноток в его тоне я до этого не слышала.

– Е-Елагина, – проблеяла я невнятно, да тут же сама на себя разозлилась.

Что за тряпка?

Что за мямля?!

И с какой это стати он так на меня рычит? Между прочим, за пять минут опоздания еще не предполагается расстрел!

– Ульяна Елагина, – добавила уже смелее, сжимая пальцы на ляжке рюкзака. – Прошу простить меня за опоздание, – и за то что “возбудила и не дала”. – Можно, я пройду на место? – а лучше выйду во-о-он в то окно напротив.

Смешно, что я ведь даже не знаю, как его полное имя. Как к нему обращаться... теперь? Для меня этот суровый мужчина был буквально две недели назад просто Денис. Сейчас же даже язык не повернется так его назвать.

– Ульяна значит, – повторил Денис, – Елагина, – появилось ощущение, будто мужчина все еще пытается осознать, кто перед ним. Гипнотизируя мою пригвожденную к месту фигуру взглядом из-под густых хмурых бровей.

Ну, и я не отстаю. Рассматриваю его с каким-то диким удовольствием.

Внушительный. Даже пугающий своими габаритами, совершенно чужеродными в этой стерильно-элегантной аудитории. В этом темно-сером клетчатом костюме и белой рубашке, обтянувшей мощный разворот плеч. С густой бородой, которая так щекотно кололась, когда его жадные губы

сминали мои, и с темным ежиком волос.

Он был этакий медведь. Внешне неприступный, неповоротливый, грозный и яростный, но внутри умеющий быть умопомрачительно нежным и ласковым хищным зверем.

Я заметила его в первый же день, как только заселилась в номер отеля. Трудно было не заметить! Он заставлял трепетать все внутри уже только от одного своего взгляда. Таять от одного вздоха. Голова шла кругом уже от того, какой неимоверно хрупкой и маленькой я чувствовала себя рядом с ним. В полной и безоговорочной безопасности.

Жалкие дни, считанные просто. И так влипнуть – это надо уметь.

Я умела. И, как показывает жизнь, активно практиковала! – Кхм, – кашлянул кто-то из парней. – Уль.

Я бросила взгляд на одноклассников. Вадик активно махал мне рукой с нашего привычного пятого ряда, что-то шепча сквозь сжатые зубы.

Да я бы и сама уже рада исчезнуть со всеобщего обозрения. Особенно сильно жаждала спрятаться от взгляда нового преподавателя. Пока мои щеки окончательно не заалели.

– Проходите, студентка Елагина, – услышала я наконец-то и украдкой выдохнула.

Потупила взгляд и прошмыгнула к Вадиду. Плюхнулась рядом с другом на стул и бросила в ноги рюкзак, слясь слиться с обстановкой.

– Это что было? – хмыкнул мне на ушко друг детства.

– Что? – включила я режим “дура полнейшая”, нырнув в рюкзак за блокнотом и ручкой. Щеки до сих пор жжет от смущения, а чувство, будто я не в своей тарелке, только усиливается.

– Ну, эти гляделки ваши. С преподам.

– Тебе показалось, Вадь.

– Да? Не думаю, Улья.

– Вот и правильно. Вот и не думай. У тебя это все равно получается плохо.

Вадик на это ничего не ответил. Не успел. До нас долетело требовательное:

– Я вам не мешаю, господа студенты? – вкрадчивым, пугающе ровным тоном, от которого поджилки затряслись.

Вот черт!

– Простите, молчим, – поднял руки Вадик, выдав свою фирменную “примирительную” улыбочку. Она у него всегда и со всеми преподами прокатывала. С самого первого курса. Превращая парня из засранца в белобрысого ангелочка. Нимба только не хватало.

Однако Денис не все. И я уверена, что с ним такие шутки не пройдут.

– Фамилия? – спросил наш новый преподаватель, складывая свои мощные ручищи на груди. Да так, что ткань пиджака опасно натягивается и слишком хорошо демонстрирует, какие под ней спрятаны накачанные руки.

Женская половина нашей группы подавила вздохи, чуть

не расплываясь по столам. Парни явно почувствовали, кто тут в группе теперь альфа самец и “прижали уши”. А я снова пошла пунцовыми пятнами от смущения. Потому что подсознание слишком живо напомнило, как эти самые руки прижимали, ласкали и крепко обнимали.

– Шмелев, – тем временем отрапортовал улыбчивый Вадик. Вот кому точно пофиг на все!

Денис прошел по нему внимательным взглядом. Изучающим. Оценивающим. И судя по всему, дружище мой теперь у преподавателя “на карандаше”. Что-то ему в парне сильно не понравилось.

И да, в мою сторону подчеркнуто не смотрели. Обидно, блин!

– Как его... зовут? – спросила я немного погодя.

– Кого?

– Вадик, не тупи! – врезала я кулачком парню в руку. – Препода!

– Денис Игоревич Громов. Бывший вояка. М-м, внушительно как, да, Елагина?

– Это что это за кривая усмешка, Шмелев?

– Да так, не бери в голову, – отмахнулся друг, все еще тихонько гогоча себе под нос.

Я для демонстрации своей обиды на его “тонкие шуточки” пнула парня по ноге, заслужив возмущенное “ой”, и снова посмотрела на Дениса. Взгляд сам так и липнул к мужчине.

Он начал вводную лекцию, но я не то что слушать спокой-

но не могла, даже сидеть с трудом удавалось. Каждое слово, каждое движение, каждый шаг его заставлял трепетать все внутри.

Денис Игоревич, значит.

Громов.

Фамилия, подобно тихому раскату голоса Дениса, разносящемуся по аудитории, перекатывалась в голове и приятно рычала на языке. Волнующе.

Гром.

Ему идет.

Я почему-то даже не удивлена, что мой случайный сочинский знакомый оказался военным. Судьба у меня, видимо, такая. Да и по его выправке, по тому, как мужчина держался в отеле, даже эта прямая спина и прицельный взгляд – все прямо кричало о его принадлежности к той же, что у моего отца, профессии.

Интересно, а вдруг они знакомы? Хотя нет, вряд ли. Подумала и тут же отбросила эту мысль.

По рукам промаршировали мурашки, когда я поймала на себе очередной мимолетный взгляд Дениса.

Вот только взгляд этот был недобрый. Черный. Мрачный. И точно не сулящий ничего хорошего.

Дискомфорт усилился стократно, и я даже нервно заерзала на стуле, утыкаясь взглядом в тетрадь.

– Кстати, Уль, тебе звонил отец утром? – шепнул Вадик, лениво покручивая ручку в длинных пальцах.

– Звонил. Но у меня было такое утро безумное, что я сначала пропустила его звонок, потом забыла набрать. А что?

– Они с батей опять что-то удумали. Сегодня на ужин нас зазывают. Семейный, – поиграл бровями друг, – понимаешь, к чему это я?

– Вот блин! – скрипнула я зубами.

– Он самый, Елагина. Чую, сегодня нам будет не отвертеться.

– Ну, что я могу тебе сказать? Готовь кольцо. На одно колено падать будешь, женишок, – хохотнула я, подмигивая офигевшему Вадиду.

– Ты ведь шутишь?

– Я-то шучу. А вот наши отцы, похоже, настроены серьезно.

И сегодня, и последние года два они упрямо гнут свою линию в надежде на то, что между нами однажды вспыхнет искорка настоящего чувства.

Наивно.

Особенно если вспомнить, что воспитали они нас как брата и сестру, а теперь хотят каких-то между нами аморальных связей.

Фу!

Да и хоть Вадик отличный парень: душа компании, смешной, красавчик, и просто душка – но точно не в моем вкусе. Кроме исключительно теплых братских чувств этот блондинистый шалопай во мне ничего не вызывает.

Особенно теперь, когда есть с чем сравнить.

От одного взгляда на Дениса в теле такой пожар, что приходится вжиматься в сиденье со всей силой, чтобы не раствориться от желания. А на Вадика? Его хочется стукнуть. Потом обнять и еще раз стукнуть. Говорю же, исключительно братско-сестринская любовь!

– Может быть, прямо им сказать, что не дождутся? – размышлял вслух друг.

– Проще подыграть. Ты же знаешь наших отцов, непрошибаемые, как танк!

– И долго мы так будем играть?

– Ну-у-у, пока кто-нибудь из нас не женится.

– Вообще-то я еще пока не собираюсь вешать себе на шею хомут под названием “семейная жизнь”, как бы сильно я не любил Ксюху!

– Я ей передам.

Вадим протяжно застонал, откидываясь на спинку стула.

– Зараза ты, Уля.

А потом помолчал-помолчал и выдал:

– Если что, я не собираюсь на тебе жениться, Елагина.

– Ты мне тоже в мужья на фиг не сдался, Шмелев.

– Нам нужно что-то придумать.

– Нужно. И чем быстрее, тем лучше.

Мы перекинулись еще парой тройкой фраз и снова дружно замолчали, когда взгляд Дениса остановился на нашей парочке. Теперь наконец-то и меня благодетельствовали сво-

им вниманием, осуждающе зыркнув в мою сторону и заломив бровь.

Я не представляю, как я переживу этот учебный год!

Первая пара пролетела неожиданно быстро. Хотя я ничего и не запомнила из рассказанного Громовым. Мне просто не до того было.

Я смущалась, злилась и смотрела на его обтянутую брюками накачанную задницу. Я плохая девочка. Я знаю! Но ничего с собой поделать не могу.

Поэтому, когда прозвенел “звонок” и одноклассники подорвались с места, я тоже поддалась стадному чувству. В надежде как можно быстрее унести отсюда ноги и скрыться с глаз обломанного мною мужика. Оттянуть наше тет-а-тет хотя бы до завтра.

Не срослось.

На всю аудиторию, как приговор, прозвучал:

– Студентка Елагина, вас я попрошу задержаться, – роко-чуший, словно раскат грома (надо же, как символично!), голос Дениса... Игоревича, заглушая возню студентов, покидающих аудиторию.

Мой взгляд метнулся в сторону преподавательского стола, а сердце ухнуло в пятки.

Ждет. Облокотившись на рабочий стол и сложив руки на груди.

Смотрит. Не мигая.

Приплыли. Сейчас мне объяснят, что бывает с маленькими девочками, которые любят обламывать взрослых возбужденных дяденек.

Уй...

Я нервно оглянулась на мужчину и, заметив его пристальный взгляд, стала торопливо искать глазами Вадима.

Тот уже топтался у двери и, заметив мою заминку, подлетел сразу с вопросом:

– Чего он до тебя докопался? Вы знакомы?

Парень нахмурился.

Я выдавливаю из себя улыбку и стараюсь сделаться безразличной к просьбе препода, чтоб его...

Выходит плохо, меня потряхивает.

– Не выдумывай. Я опоздала, наверное, хочет наказать, – ляпнула, а потом сама усмехнулась своим мыслям. Ну, не порку же он мне устроит? Только от прозвучавшей этой фразы в голове меня тут же бросает в жар.

Он может. После того, что я учудила, еще как может! И будет прав в какой-то степени.

– Возможно, даст задание дополнительное, – пожимаю плечами.

– Я тебя жду на нашем месте, тогда. Или хочешь, останусь под дверью, – затараторил Вадик, бросая настороженные взгляды на Дениса.

– Вадь, ну, не съест же он меня, правда? Боюсь, ректорат такого подхода к обучению не одобрит, – усмехаюсь, а у са-

мой все внутри дрожит. Что это? Страх? Или предвкушение возможности остаться с Грозовым один на один?

– Ладно, Уль, – наконец сдается мой верный товарищ. – Наберу тебя через десять минут, если не придешь, – наконец отмирает.

– Договорились, мой верный рыцарь.

– Вот я бы такой самоуверенной не был! Этот дядька даже меня пугает, Елагина.

А мне хотелось ляпнуть: чего его бояться, он же в душе такой пушистый котик. Но я вовремя прикусила язык.

Вадик, еще разок настороженно оглянувшись, направляется к выходу и закрывает за собой дверь.

Он был последний. Дальше тишина.

Все вышли.

Остались лишь мы вдвоем.

Наедине.

Мы сверлим другу друга взглядами, оба не решаясь заговорить. Я переминаюсь с ноги на ногу под прицелом глаз Дениса. А он стоит и стол свой рабочий задницей подпирает. Вальяжно так.

Черт, если еще хоть пара секунд продлится это жуткое молчание...

– Значит, Елагина Ульяна, – наконец заговорил мужчина.

– Ульяна, – тянет он мое имя, словно пробует его на вкус.

Картинки, всплывшие в моем воображении, тут же заиграли яркими красками.

Мне больше нравится, когда он зовет меня Яна. Никто меня так не зовет. Но он об этом не узнает.

– Она самая, студенческий показать?

– Еще, может, чего покажешь? – усмехается Громов не по доброму. Качает головой. А во мне просыпается злость, потому что он не имеет никакого права разговаривать со мной в таком тоне. И вести себя так тоже права не имеет! Что он о себе возомнил?

– Только если средний палец.

– Принцесса за две недели зубки отрастила? Забавно. Я все думал, мозг сломал, почему ты сбежала? – отталкивается от стола и медленно приближается ко мне с грацией хищника.

Я отступаю. Вжимаюсь в столы, стоящие на первом ряду. Сглатываю с трудом вязкую слюну, загипнотизированная его темным взглядом. Взгляд сам собой на губы падает. В горле пересыхает.

– А ты, оказывается, и имени настоящего своего не сказала, – мужчина приблизился так, что осталось между нами пара жалких шагов.

– Почему же? – усмехнулась.

В нос ударил такой знакомый запах туалетной воды с примесью мужского геля для душа. Горький, щекочущий, глубокий. Так бы и дышала им одним.

Колени мои дрогнули, и я вцепилась руками в стол за спиной.

– Я сказала: Яна. Уль-Яна. Это сокращение. Я никого не обманывала. Тут твои обвинения безосновательны.

Денис в два шага оказывается около меня и упирается в стол руками по обе стороны, захлопывая ловушку. Наши лица непозволительно близко. Я чувствую его дыхание. Оно осталось одно на двоих. До дрожи хочется закрыть глаза и ощутить... снова ощутить...

Стоп, Ульяна! О чем вообще думаешь, девочка?

– Ответь мне на один-единственный вопрос, – смотрит в глаза, словно в душу заглядывает, все веселье из тона улетучилось. – Почему? – зазвенела сталь.

Мне не нужно переспрашивать его, о чем он толкует. Я все прекрасно знаю и понимаю. Но что я ему скажу? Испугалась? Испугалась, что на одну ночь? Глупо. Очень глупо и не по-взрослому. А я не хочу, чтобы он считал меня маленькой девочкой! Хотя, наверное, что я ему сейчас ни скажу, он будет думать именно так.

– А что, такому, как ты, никогда не отказывали? – набираюсь смелости и выдаю ему в лицо.

Лучшая защита – нападение. Будем, значит, нападать.

Кажется, Денис не ожидал такого ответа. Его лицо вытянулось от удивления, в глазах непонимание. Правда, оно быстро сменяется решимостью:

– Не знаешь, от чего отказалась, – усмехается и улыбается той самой улыбкой змея-искусителя, а меня тут же обдаёт жаром и низ живота скручивает в знакомом спазме.

– И не хочу знать, тебе не удастся потешить свое самолюбие, Денис Игоревич, – вот тут-то я понимаю, как зацепила его мужское эго. Его ноздри раздуваются, желваки ходят ходуном. А взгляд... взглядом можно убивать?

– Кто этот сопляк, который с тобой рядом ошивается? – говорит медленно, мне кажется, ему тяжело даются слова. От этого мне становится не по себе, но я не могу уйти проигравшей, хоть и непонятно, что за бой мы тут устроили.

– Вадим? – улыбаюсь, как дурочка. – Мой жених, – вот вам, пожалуйста, шоко-терапия во всей красе!

– То есть, жених?

– То и есть. А теперь будьте добры, Денис Игоревич, соблюдайте дистанцию, – шиплю я, выворачиваясь из плена его рук. Отступаю на пару шагов, наконец чувствуя себя в безопасности.

– Желаю вам удачной преподавательской работы, – чуть ли не кланяюсь и бегом вылетаю из аудитории, захлопнув дверь, тут же к ней привалившись спиной.

Сердце стучит, как бешеное. Руки и ноги ватные. Щеки горят.

Что я наговорила? Что только что ляпнула? Кто меня тянул за язык?

Но я ведь не могла просто признаться, что вляпалась в него! Кому это надо? Уж точно не суровому вояке. Больше чем уверена, что господин Громов на каждом курорте цепляет себе девушку, а то и две. Бабник! От него же так и тянет

альфа-самцовостью, чистым тестостероном!

ТЬфу, слово-то какое. Пошлое.

Трясу головой, чтобы развеять это жуткое видение: его с другой в обнимку. И оттолкнувшись от двери, тороплюсь на поиски Вадика.

Я еще не знаю, на что подписалась, подставив не только себя, но и Шмелева.

Глава 4

Денис

Языкастая. Оказывается. В Сочи я такого за Янкой не заметил. Там она была воздушной и до страха ее сломать утонченной принцессой. Здесь же, видать, “ее стихия”, сказывается и мамка под боком. Дерзит, коза.

Елагина.

Рехнуться можно!

Со злости впечатываю кулак в столешницу, до крови сбивая костяшки.

У меня явно зациклилась жизнь, иначе хрен объяснишь, почему я исправно на своем пути на Елагинскую чету натыкаюсь. Вляпываюсь буквально! Сначала Ленка, из-за которой полкан Герман меня в свое время нехило дрючил, гоняя по всей части. Только вот безосновательно. А теперь вот... Ульяна Германовна. Дочь. Узнай он, что я покусился на его самое святое и дорогое, яйца на кулак наматает, а потом и вообще к херам отстрелит. Я бы так и сделал.

Оху...

Короче.

Провожая взглядом захлопнувшуюся дверь. Девчонка ею

долбанула от души. Ощущение, что по моей гудящей голове.

Как я вообще выдержал пару, непонятно. На чистом упрямстве и злости. Особенно второе нехило так мотивировало, пеленой перекрывая все перед глазами. Ни одного имени и ни одной мордахи сейчас даже не вспомню из студийозусов, кроме двух. Глаза то и дело натыкались на милующуюся парочку: Янка и этот... блондин.

Шмелев, чтобы его. Все "пропеллеры" пообломаю и по мохнатой жопе надаю, если еще раз такой взгляд в сторону моей Янки увижу.

Завожусь, да тут же себя осаждаю с горьким смешком.

Моей? Если уж она чья, так этого перепончатого насекомого с жалом в заднице, Громов. Но точно не твоя!

Жених. Зашибись. А в Сочи это что было? Попытка нагуляться перед аскетичной семейной жизнью? Разнообразить половую? Попробовать что-то новое? Так чего деру-то тогда дала? Дурная! Я бы ей показал... все показал. Всю ночь бы самозабвенно показывал, что утром встать с кровати бы не смогла!

Тормозим, Громов.

Злости на эту малявку не хватает!

А сейчас? Ну, вот что сейчас такое было?

Эта коза меня уделала!

Мне не отказывали?

Да, черт возьми, мне не отказывали! Меня не кидали со стоящим колом членом в номере отеля. Так и хотелось вы-

дать этой зазнобе, а потом в губы ее впиться. До боли. Искусать их, упрямые, поджатые, и закончить начатое. Меня бы даже гребаный новооприобретенный статус ее препода не смутил!

Только вот от ее взгляда все слова застряли и пыл поумерился. Бравада-то у девчонки явно напускная, внутри, больше чем уверен, она дрожит и трепещет. А вместе с ней и мои части тела “дрожат” и “трепещут”, млять.

Яна-Ульяна Елагина. Это надо такому случиться!

Потирая затылок, дохожу до стола, убирая бумаги. Валюсь буквально на стул и растираю висок.

Елагина! Насмешка судьбы, не иначе.

Вот трезвый разумный голос начинает вещать, чтобы и думать перестал о девчонке. Она дочь Ленкина. Дочь! Не имею права и думать о ней. Мелочь мне в дочери годится.

Но как, мать вашу? Как?

Я две гребаные недели пытался вытряхать ее из своей головы! Перебирал этих блондинок. Чтобы и дальше продолжить свою жизнь как обычно, в прежнем русле, но нет. Цапанула. Зациклился, как ненормальный, как маньяк. Ущемили достоинство. Дело принципа. Называйте, как хотите, сути не меняет.

Дверь в аудиторию открылась.

– Ой, извините, – заглянула девушка, поправив очки на переносице.

Мазнул по ней безразличным взглядом.

– Вы закончили? У нас тут пара, – проблеяла студентка.

– Закончил, – подхватил со стола телефон и ключи от тачки. Чеканя шаг, направился на выход.

Мне нужен бумажник, горький кофе и пачка сигарет. Пока качан не рванул.

Яна

Проношусь по коридору, как ужаленная. Пока меня не останавливают на ходу.

Мама.

– Уля? – в ее глазах вопрос.

Ма проходит по моему лицу внимательным взглядом и по-сматривает мне за спину. Я зубы сжожу и злжсь на Громова, за то, что заставил раскраснеться, и вообще...

Вообще просто злжсь!

– Елена Александровна? – усмехаюсь.

Называть мать по имени отчеству в стенах института я привыкала долго.

– Куда летишь? – усмехнулась мама.

– Я превысила скорость? Указатель скоростного режима не заметила.

– Несешься, будто опаздываешь куда, язва моя, – мама подхватывает меня под руку и уводит в сторону. – И что за вид?

– А что с ним?

– Взьерошенная, щеки красные, глаза горят. Бешеная как-кая-то.

– Нормальный у меня вид, – бурчу. – Я к Вадиму тороплюсь, – хоть тут говорю правду. – Он в столовке, заждался

уже.

– Вот и хорошо, – улыбается мама как-то заговорщически.

– Ма-а-м? Что происходит? – непонимающе уставилась на любимую родительницу.

– Отец до тебя сегодня не дозвонился. Просил передать тебе, что на вечер запланирован ужин в ресторане. Приглашены родители Вадима и, соответственно, он сам.

– Прекрасно! – фыркаю я. – Значит, Вадик не пошутил.

– Значит. Только я не понимаю твоего настроения, – хмурит брови.

– Мам, ты прекрасно знаешь, как я отношусь к папиной идее-фикс!

– Знаю, Ульяш. Но пока мы не можем ему сопротивляться. Ему самому нужно до этого дойти своей головой. Иначе толку с ним бодаться никакого.

– Но он же так вбил себе эту гениальную идею в голову, что просто зла не хватает, – рычу я, топнув ногой.

– Ладно, не пори горячку, – осаждает ма.

– А если он не перебесится?

– Поверь, я с твоим папой уже больше двадцати пяти лет живу. Перебесится, Уль! А пока тебе не стоит портить отношения с отцом. Это я могу сказать тебе точно. У нас, помимо вашей с Вадиком потенциальной свадьбы, есть еще о чем ему сообщать.

Я поджимаю губы, прекрасно понимая, о чем она сейчас. Намек не то, что прозрачен, он вообще... не намек, а прямое

заявление. Да я и сама знаю, что чуть что, стоит только копнуть немного глубже, и отец тут же узнает, какую я специализацию выбрала. Вот это точно будет жесть.

Впервые жизни иду против его воли. Он настоял на юрфаке, я не сопротивлялась. Но когда мне ткнули пальцем, показывая, куда идти и что за работу он мне уже готовит по завершении института, вот тут я решила взбрыкнуть.

Пока он об этом не знает, но потом...

– Хорошо, – соглашаюсь я. – Я буду на ужине. Во сколько и где?

Мама называет адрес ресторана и время встречи.

Мимо нас в этот самый момент проходит Денис.

Я тут же отвожу взгляд, а он, как царская персона, прошествовал мимо к стенду с расписанием. Взгляд свысока, спина как штык, рука небрежно заложена в карман брюк, а во второй болтаются ключи от тачки. Ходячий сгусток тестостерона!

Все девочки, что находились поблизости, нагло уставились ему вслед. Половина из которых, готова поспорить, мысленно уже щупает его накачанный зад. Отвратительно крутой зад! И не только он, кстати, у него крутой...

А-р-р, царь самок, блин. Что ж так бесит?!

– Как вам новый преподаватель уголовного? – усмехается мама, подметив то же, что и я. – Смотрю, как минимум, женская половина студентов довольна.

– Препод как препод. Чувствую, зверствовать будет, как

на первом курсе Сорокина по ТГП (прим.авт. *теория государства и права*).

Мама усмехается. Сорокину помнят все. Даже преподавательский состав.

– И прошу тебя, будь умницей, Уль.

– Я стараюсь, мам. Очень стараюсь быть умницей, но это жутко скучно, – подмигиваю ей и, слыша, как она смеется, направляюсь в сторону столовой, проносясь мимо заносчивой задницы Громова.

Мамочка меня понимает и полностью поддерживает. Даже Вадик, и тот вынужденно скрывает от своих родителей и моего отца тайну моего профиля.

Так что да, придется другу детства мне и дальше подыгрывать. Что поделать? Видимо, участь у него такая. Но вот его девушке я не завидую. К счастью, она учится не в нашем вузе и, соответственно, не видит, как часто и много мы проводим времени вместе.

Денис

Выхожу на улицу в промозглый сентябрьский день и расстегиваю пиджак. Щелкаю брелоком, тачка призывно подмигивает фарами. Мне кажется, она прямо намекает, мол:

– Громов, погнали отсюда к чертям собачьим, не наше это с тобой место. Ой, не наше.

Приходится заманчивое предложение своего черного железного коня отклонить. Не могу я Ленку подставить. Да еще и пигалица эта тут. Стопор внутри развернуться и смотаться не дает.

Опять заметил ее попку вертящуюся в коридоре, как раз рядом с матерью. И как вообще я сразу не понял, чья она дочь? Сходство ведь налицо. Только с одним исключением: голубо-серая сталь глаз, при умелом использовании уничтожительная, Янке от отца досталась. А вот редкая красота точно Ленкина.

Трындец просто!

Стягиваю пиджак, ощущая его удавкой на своих габаритах, и закидываю в салон. Достая сигарету и, хотелось бы сказать, закуриваю, но не успеваю. Зажимаю в зубах, когда перед глазами начинается какая-то заварушка. Два ретивых молодцы драку никак затеяли. Зашибись. В центре города. На парковке престижного ВУЗа.

Ну, что за день, мать твою?

– Эй! – выдаю гаркающим друг на друга сосункам оглушительный свист. – Ну-ка, разбежались!

Реакции – ноль.

Как мне это все осточертело! Зла не хватает!

Захлопываю дверь машины и иду к парочке щуплых парней.

Господи, что эти ущербные ботаны-то не поделили? Тут ветром дунь, унесет, как Элли, в страну Оз. А они спарринг устроить собрались. Идиоты. Налетают друг на друга с кулаками, а тут я. Одного за шкирняк в одну сторону, второго в другую, и пару крепких слов вдогонку.

За спиной слышатся ленивые аплодисменты и стук каблучков по асфальту. Оборачиваюсь. Ленка.

– Я смотрю, ты быстро в педагогическую деятельность втянулся, Денис Игоревич.

Я зыркаю в сторону матери Яны и вспоминаю про зажатую в зубах сигарету. Чиркаю зажигалкой и подкуриваю. Нервы шалят, руки чешутся. Я бы сам сейчас кому-нибудь от души в рожу дал. Пар спустить.

– Во что ты меня втянула, Ленка? Ой, пардон, Елен Санна.

– Ладно, не злобься так. Пошли, – кивает головой в сторону кафешки через дорогу, – кофе угощу. Разговор есть. По работе.

– Я по твоей работе уже наговорился за полтора часа со студентами.

– А я по твоей поговорить хочу. Клиентка у меня есть для твоего агентства. Кстати, – подмигивает подруга, – сексуальная незамужняя дама тридцати годков.

Сколько же мне стоит трудов не взвыть в голос.

– У меня служба безопасности, а не “давай поженимся”, если что.

– Зануда, Громов.

Яна

Я нахожу Вадика за нашим столиком в столовой. Он уже взял по порции кофе с кексами.

– Что-то я проголодался, как слон, – пробухтел он с полным ртом, рассыпая крошки от сдобы. – Что там, кстати, Громов? Рычал? Ух, чувствую, нам с ним скучать будет некогда. Где только таких делают.

– Где делают? Так родители его, так же, как и тебя, и меня, – усмехаюсь, подталкивая к Вадiku свою порцию с кексом. – Ешь, голодающий, я что-то не хочу, – отпиваю горячего кофе. Есть и в самом деле не хочется. Встреча с Денисом отбила все желание. Кроме одного, обострившегося с его появлением. И это жутко нервирует.

Ведь я помню все до мельчайшей детали. Каждый его взгляд, вдох, касание рук, губ... Это было невероятно, нежно и в то же время в каждом действии чувствовался напор, сила, желание.

Мужик.

– Ау, – в мои мысли ворвался голос Вадика. – Ты где? Со мной или...?

– Тут я, тут.

– Кстати, почему опоздала? Я так и не понял толком по твоему сумбурному монологу.

– У меня потоп, – не хотела думать об этом до окончания учебного дня.

– В смысле?

– Вадь? Краны сорвало на кухне. Пока дождалась сантехника из управляющей компании, потом пока он что-то там накрутил, навертел, еще и сам крученный-верченный с таким перегарищем, что аж за километр фонит. Короче, это очередной квест, – возмутилась я, и настроение снова поникло. – Хорошо, соседей не успела затопить.

Очередные головняки и непредвиденные траты.

Нет, я, конечно, не бедствую, но и не наглею. Все-таки живу на деньги родителей, сама пока не работаю, но и тут исключительно по грозной отцовской указке “не смей распылять свои силы на работу, пока ты учишься – тебя обеспечиваю я!”. Вот и сижу. Не смею.

– В общем, после универа мне надо в “Мир сантехники”, купить новый к... черт! – быю себя ладошкой по лбу. – Ужин, – стону я, падая лицом на стол.

– Ага, ужин, – мое настроение поддерживает парень. – Но деваться некуда, придется присутствовать, – пожимает плечами он.

Конечно, придется. Выбора особо нет. Но это пока!

Я обязательно что-нибудь придумаю.

Денис

Следующие две пары пролетели чуть веселее, чем первая. Бодрее.

Может, потому, что Яны не было, и глаза были способны перемещаться по аудитории вне зависимости от ее местоположения, а может, кофе подействовал. Меня слегка отпустило, поплывший чердак слегка встал на место.

До полного выздоровления было так же далеко, как до луны пешком.

Сваха из Елагиной, кстати, оказалась никудышная, а вот подкидывателем клиентуры она была неплохим. Вкратце обрисовала мне “проблему” подруги, и мы договорились, что она оставит ей мой номер. А уже через полчаса на телефон пришло СМС.

Эта Людмила оказалась бабой бойкой и навязчивой. Но клиентов не выбирают. И мы договорились встретиться в пять часов в ресторане, чтобы обсудить детали. В офисе полным ходом ремонт, встречи там, к сожалению, пока физически невозможны. Если, конечно, мы не хотим утопить клиента в штукатурке.

Созвонившись с секретарем, вылетаю из универа. Здесь адский денек закончен, дальше мчу на работу. Закидываю пиджак на плечо и набираю Абашеву, с которым через час

мы должны были встретиться у него в офисе.

Гудок. Другой.

Я лечу до тачки, вытаскиваю из кармана ключи и открываю. Взгляд лениво проходится по парковке. Зря. Я резко торможу, и ноги в асфальт врастают. Притихшая было буря за грудиной просыпается вновь. Глаза безошибочно угадывают со спины фигурку, открывшую дверь белой бэхи.

Янка стоит в пол-оборота и мило улыбается своему... гребаный шершень! Или как его там?

Парочка о чем-то переговаривается, Яна над чем-то смеется, а я стою и таращусь на нее. Зубы сводит, до того сильно их сжал. В голове всплывает Сочи, ночь, поющий фонтан и мы. Смех ее звонкий в ушах звенит, злость по вискам херачит, ширинка к черту трещит по швам. Не так давно она так улыбалась мне и смотрела на меня!

Не так давно...

Динамщица.

Яна, будто почувствовав что-то, прежде чем сесть в машину этого ряженого, оборачивается. Мне кажется, или от неожиданности она вздрагивает? Щеки ее мило краснеют, а губки удивленно трансформируются в букву "о". Мгновение ее замешательства, и девушка, нахмурившись, прячется в салоне тачки.

Прежде, чем я успеваю натворить глупостей, вытащив ее из машины этого клоуна, бэха срывается с места. Я тянусь к сигарете и второй раз за этот гребаный день закурываю.

Пора делать ставки, что убьет меня быстрее: эта пигалица, мозолящая глаза, или никотин.

Глава 5

Яна

На парковке у ресторана мы с Вадиком оказываемся ровно минута в минуту.

Переглядываемся и, закатив глаза, смирившись с неизбежным, выходим, натягивая на лицо “счастливые” улыбки. Залетаем в роскошно обставленный зал, как положено молодой паре, в обнимочку, и девушка хостес тут же провожает нас к столику, за которым уже уютно устроились наши родители.

– Ульяночка! Девочка моя, – поднимается с места тетя Тома, бросаясь ко мне с объятиями.

– Здравствуйте, – вежливо приобнимаю я потенциальную будущую свекровь.

Надеюсь, “потенциальной” она так и останется! Нет, Тамара Максимовна – прекрасная женщина, и муж ее – Леонид Маркович – фантастически приятный мужчина. Просто брак по расчету, а уж тем более по “самодурству” папенек – не наш с Вадиком вариант. Мы по любви хотим. Он вон на своей Ксю, а я на своем...

Нет, не твоим, Елагина. Ты от него в отеле смоталась?

Смоталась. Теперь смирись. Такой мужику облом устроила, до конца жизни не простит. И вообще, с каких пор меня посещают мысли о Громе в таком ключе?

– Вадим, – поднимается мой отец, пожимая руку парня. – Рад тебя видеть. Ты все мужаешь и мужаешь с каждой нашей встречей, – похваливает потенциального “зятя” по плечу отец.

Я, не удержавшись, снова закатываю глаза и вздыхаю.

– Ты прекращай, Улька, – строжится папа в шутку, целуя меня в щеку.

– Прекратила па, прекратила.

Мы рассаживаемся за столом согласно “купленным билетам”, официанты, будто по щелчку, устремляются к нам с подносами. Расставляют перед нами изумительно пахнущие блюда, аж желудок жалобно в трубочку сворачивается. Ведь на обеде поесть мне не удалось, кусок в горло после встречи с Денисом не лез, а после универа времени не было, проносились по городу с этим дурацким краном, в итоге его так и не купив.

Вадик подчеркнуто держится как можно ближе ко мне, но “границ” не переступает. Мамуля моя многозначительно поигрывает бровями, мол, не палитесь, молодежь. А Леонид Маркович и папуля смотрят на нас с парнем как на каких-то упавших на землю милейших ангелочков. Ути-пути, у-лю-лю.

Уф! Как у меня эта “свадьба” в печенках уже сидит!

– Как первый учебный день, дети? – интересуется Леонид Маркович. – Небось, успели соскучиться по вольной летней жизни?

– За день-то? – ухмыляется папа. – Рановато будет.

– Пока не успели, бать, – подтверждает кивком головы Вадик, активно орудуя вилкой и работая челюстями.

Я иногда на него смотрю и с ужасом представляю, сколько Ксюхе придется для него готовить. Он же тот еще проглот! Девушке можно искренне посочувствовать. Но главное, куда это все уходит? Этот ведьма-Вадик ведь может похвастаться отменными кубиками на прессе и подтянутой задницей. Видели. Знаем.

– Уль? – окликает папа.

– А-а? Да-да, вливаемся вот в учебный процесс, – киваю, хватаясь за бокал с водой.

– Я говорю, как тебе твой профиль? Ведь не так он и плох, скажи?

– Мхм, – мычу я, пряча взгляд в бокале.

– А то перед распределением скандал мне закатила, – ухмыляется отец, – не пойду на гражданский, не пойду. В уголовку, говорит, хочу. Самоуверенная девчонка. Чтобы потом всю жизнь с отморозками работать да бегать, как девочка-пионерка? Совсем не наш профиль, – отмахивается отец.

Ну, конечно, “не наш профиль” – хочется съязвить. Но тут вступает ма:

– Гера, – осаждает отца возмущенно.

– Главное, все разрешилось, все довольны, – вставляет свои примирительные пять копеек тетя Тома. – Наш вон Вадик и не думал, по-моему, да, сынок?

Вадик неопределенно пожимает плечами.

– А на счет свадьбы? – хохотнул Леонид Маркович. – Думал, надеюсь?

Тут уже мы переглянулись и промолчали. Врать и юлить не хотелось от слова “совершенно”, но похоже, просто съехать с темы не получится. В конце концов, нас для этого вопроса сюда и вытащили.

– А то дело молодое, только скажите, мы вам быстро ее организуем, – кивнул отец.

Никто и не сомневался, что им только волю дай. Уже через час свидетельство о браке вручат, и даже без нашего визита в ЗАГС!

– Ну, что вы детей торопите. У них еще вся жизнь впереди. Себя-то вспомните, господа Шмелев и Елагин. Во сколько женились-то? – спросила ма.

– О, да! – хохотнула тетя Тома, – я как вспомню нашу с Леной свадьбу, так и смех и грех! – приходит помощь, откуда не ждали, – вы же помните, как мать моя...

И понеслось. По накатанной. В дебри воспоминаний.

Я выдыхаю, будто камень с плеч упал. Благодарно смотрю на ма и от разговора родителей отключаюсь, уносясь мыслями дальше этого ресторана. Вадик активно уничтожает ужин и одной рукой строчит СМСки Ксю, а я лениво ковыряю вил-

кой в тарелке и поглядываю в окно.

Я даже в какой-то степени по-хорошему завидую другу. Ему есть кому сообщения строчить. А я? Сейчас бы я тоже с удовольствием написала СМС. Кому-нибудь. Например, Денису. Правда в голове почему-то не складывается картинка, как Громов сидит с телефоном в руке и кидается буквами. Мне кажется, такие, как он мужчины предпочитают звонить, а то и решать вопросы тет-а-тет, а не посредством мессенджеров.

Жаль все же, что номера я его взять не успела.

И почему вообще я снова о нем думаю?

Злая на себя, запихиваю в рот помидорку черри и с остервенением жую. Аж зубы поскрипывают, так сильно я их стискиваю.

Вот же... засел в мозгах, не вытравить!

Бросаю взгляд в окно, краем глаза замечая, что на парковку заезжает черный массивный Гелик. Ух, не машина – зверь!

В голове мелькает какое-то подозрение, но словить его не успеваю, потому что тут меня отвлекает Вадик.

– Уль, зарядка есть?

– А? Угу, есть, – отворачиваюсь и лезу в рюкзак за повербанком. Закопавшись в бардаке, царящем в сумке, чуть ли не с головой туда залажу. Правду говорят: женская сумка, как черная дыра.

– Да черти что! – выругиваюсь и, наконец-то подцепив га-

джет под косметичкой, вытаскиваю. Протягиваю Вадику и... зависаю. Прямо с этим повербанком в руке.

Глаза мои, по несчастному стечению обстоятельств, утыкаются прямо в дверь ресторана, и эта самая дверь только что открылась. Колокольчик звякнул, хостес из-за стойки подскочила. А у меня синхронно с ней скакнуло сердце к горлу. А потом спикировало в желудок. Сквозь стеклянную створку замаячила знакомая крупногабаритная фигура в клетчатом пиджаке.

Я дыхание задержала, а брови мои на лоб поползли.

Вошел Громова.

В ресторан.

На другом конце, мать его, города!

Он меня что, преследует?

Сердце в груди выбивает сумасшедший ритм. Воздух стремительно накаляется.

Денис меня не замечает, а я, прижав уши, вся подбираюсь, наблюдая, куда он направляется. И каков мой шок, когда он подсаживается к женщине за столик, буквально следующий от нашего? Что самое эффектное, у дамочки, как и у меня, при виде этого медведя отвисла челюсть.

Я уже готова взорваться от злости!

Эта фря прямо пожирает его глазами!

А как она ему улыбнулась сейчас? Сверкнула своими блестящими тридцати двумя, что аж я здесь ослепла.

И клянусь, она же уже прямо готова залезть к нему в шта-

ны! Прямо здесь. Прямо в ресторане!

Бесит!

Ар-р-р!

Папа с дядей Леней извиняются и выходят на улицу, видимо, “перекурить”, а я сжимаю вилку в руке. Грани больно впиваются в ладонь, и я уже буквально подпрыгиваю от недовольства, сидя на стуле. Закипаю, распаляя свой гнев все больше и больше, рассматривая и подмечая каждый кокетливый жест этой бабы.

Она ему глазки строит!

Кто она ему? Что он тут с ней забыл? Любовница? Подруга? Жена?!

Да нет, Уля, какая жена. У него же кольца нет.

Но вообще-то, на минуточку, это не показатель в наше время.

Да блин!

Отвернуться бы надо и забыть, забить, но не могу! Не могу оторвать от него взгляд. Прожигаю дыру в мощной спине прямо между лопаток. Выжигаю ненавистью бритый затылок и добиваюсь-таки своего.

Громов оглядывается. Замечает меня. Взглядом оценивает ситуацию, и его брови сходятся на переносице. Глаза недобрым огоньком полыхнули, когда Денис заметил сидящего рядом Вадика.

А мне этого мало! И моя рука укладывается на плечо друга. Собственнически так. Загребуще! Вадик замирает и

удивленно смотрит на меня, но молча “проглатывает” мой странный выпад.

Но и это не мой предел. Я укладываю голову ему на плечо, улыбаюсь, прорычав сквозь зубы:

– Подыграй!

А сама жду реакцию Громова. И она более чем говорящая. Наш новый “преподаватель” просто отворачивается. Нет, вы только посмотрите, он взял и отвернулся! Вот так, нагло и безразлично отвернул свою медвежью бородатую морду!

Чувствую, сейчас взорвусь. Уже в груди жжет, и в горле пересыхает. Я залпом осушаю воду в стакане, мама удивленно таращится в мою сторону, но я пропускаю это мимо своего внимания. Зато вот когда рука женщины укладывается поверх руки Громова, лаская наманикюренными пальчиками его ловкие длинные пальцы (которые вообще-то меня ласкали две недели назад!), я перестаю себя контролировать окончательно.

Все, каюк!

Оглядываюсь, прикидывая, как бы безболезненно прекратить это вопиющее безобразие, ибо преподавателю не положено миловаться с расфуфыренными бабами у студентов на глазах! И вижу, как официант приближается к ним с бокалом вина на подносе.

Я делаю выпад. Ноги работают быстрее мозга, и я, сама того не ожидая, ставлю парнишке в фартуке подножку. Тот, пошатнувшись, как в замедленной съемке валится на пол, а

бокал летит прямо на Дениса.

Бдум-с, звенит поднос по полу и бьется бокал, разлетаясь в пыль.

Упс...

Громов вскакивает с места, а на его белой рубашке расплзается бордовое пятно. Мама оглядывается, охает, тетя Тома причитает, официант рассыпается в извинениях, а мымра Громова начинает плясать около него с салфетками. Ручищи свои к его груди тянет. Пооборвать бы ей их по самую жо...

Но мужчина отмахивается от неё и, бросив:

– Сейчас вернусь! – направляется в сторону туалетов.

Я бросаю быстрое:

– Сгоняю в уборную!

И буквально подрываясь с места, чуть ли не лечу следом за Денисом.

Я не знаю, что скажу и что буду делать, но остановится выше моих сил. Чертовы ноги сами несут. Кеды заколдованы. Вот точно, да! Во всем виноваты кеды!

Минуя хвостиком за Громовым зал ресторана и столики, вижу, как за Денисом закрывается дверь в мужской туалет. Тут же без раздумья влетаю следом. Подпрыгивая прямо в проходе на грозном:

– Ты! – смотрит на дверь, вернее, на меня, замершую у двери. – Это сделала ты, коза такая! – наступает на меня, а я вжимаюсь в стену.

Ну, вот и где моя решительность? Куда подевалась то, а?
Ау! Родненькая, мне тебя очень не хватает!

– Я.

А чего отрицать? Громов не дурак.

– И сам ты... коза!

Его глаза темнее ночи. Желваки ходят ходуном. Он в ярости.

– Какого черта ты творишь, Яна?!

– А такого! – отвечаю в тон, надувая губы. – Я вообще, может... нечаянно.

– За нечаянно бьют отчаянно, слышала такое?

– Мхм... – закусил я губу, потупив взгляд и включив в себе режим “заиньки-паиньки”.

Вот только не прокатило. Воздух будто выкачали из этой стильной мужской уборной. А стены сузились, когда Громов хмыкает, чуть прищутив глаза, и стягивает с себя пиджак. И делает он, гад, все это медленно, не отрывая от меня глаз. Наблюдает за моей реакцией. Пристально, ловя, кажется, каждый мой тяжелый вздох.

Я сглатываю, потому что до меня медленно, но верно доходит понимание выражения: не рой яму другому – сам попадешь.

Вот и я... попала.

Моя выходка обернулась против меня самой же. По телу промаршировали мурашки, а в низу живота болезненно заныло, ноги подкосились, когда мужчина начал расстегивать

пуговицы своими невероятно красивыми пальцами. Ловко, сексуально, петелька за петелькой...

Дышать становилось все труднее. Во рту появился металлический привкус крови. Видать, я от нервов прокусила губу, но отвести взгляд от рук Дениса все равно сил не нашла. Стильные черные часы на запястье, синие дорожки вен, и я слишком хорошо помнила, как и где были эти пальцы... какое доставляли наслаждение.

Между ног уже пожар и потоп. Скромные кружевные трусики промокли насквозь, а соски набухли от возбуждения и больно упирались в ткань бюстгалтера.

Рубашка, как вторая кожа, облепила его стальные мышцы на руках, и я даже боюсь представить, какое зрелище для меня откроется, как только эта тряпка исчезнет с его тела. Я, наверное, в обморок грохнусь, потому что уборная уже плывет перед глазами.

Щеки загорелись, в животе защекотало, волоски встали дыбом.

Я стремительно пропадала. И это пора было прекращать! Собрав последние силы в кулак, я крутанулась. Бросилась к двери, собираясь смотаться. Дернула ручку. Но тут на дверное полотно легла сильная мужская рука, с грохотом захлопывая ее обратно. Замок щелкнул. Я вздрогнула. Громов развернул меня к себе лицом и вдавил в стену, впиваясь в губы жестко и беспощадно.

Я поплыла.

От жара его губ, от ощущения его голой кожи под своими ладонями, щекочущих волос на мужской груди. От острого, яркого и болезненного прикосновения его грубых, сильных рук ко мне.

Одна ладонь Дениса сжимала мою попу, а вторая, запутавшись в волосах, держала за затылок, не позволяя увернуться. Грубо. Дерзко и самоуверенно.

Я задыхалась.

От накотившего дикого желания и нечеловеческого возбуждения. Взаимного. Безумного. Болезненного.

Я чувствовала, как его член упирается мне в живот. Каменный, и я до сих пор помнила, какой он огромный! Мне было неловко, чуточку страшно от того, как срывало крышу и сносило тормоза. Но мне нравилась это пьянящее чувство мнимой власти над таким мужчиной, как Денис! Грозным, взрослым, непрошибаемым. Нравилось знать, что внутри он горит так же ярко, как и я...

– Яна... – шепчет Денис на выдохе. – Янка...

Сжимая, вжимая меня в себя. Уничтожая последние миллиметры пространства между нами. Внутри всколыхнулось пламя, и я протяжно и тихо застонала, выгибаясь, подаваясь навстречу мужчине. Входя в полный диссонанс с мыслями, тело стремилось сгореть в объятиях Громова.

Губы Дениса до боли впивались в мои. Язык, дразня и играя, напирал, заставляя разомкнуть и впустить его. И я сдалась. Это был не поцелуй, а бешеная схватка. Не знаю, отку-

да во мне взялось столько смелости, но я отвечала. Отвечала так же яростно, как он напирал. Кусала зубами его губы, царапала ногтями грудь мужчины и пропадала. Теряла себя медленно по миллиметру. Проклинала себя за слабость, но таяла в руках мужчины, как кубик льда на солнце.

Денис выдернул рубашку из моих джинсов и запустил свою горячую ладонь под нее. Положил на мой живот, заставляя вздрогнуть от прикосновения. Лаская, добрался до бюстгалтера.

О-о-о...

Пальцы сжали сосок сквозь лифчик, и нестерпимая боль желания прострелила до самой макушки. Это было ужасно пошло! По телу разлилось тепло, а в голове засигналило предупреждение об опасности.

Я же еще никогда...

И никто...

Только он. Только Громов.

– Стой... – сорвался хриплый стон. – Это не...

Что не? Неправильно? Ненормально? Совершенно аморально! У меня за дверью родители, а Громов – мой преподаватель, но я не могу. Не могу бороться. Я хочу...

– Тише... Яна моя... дурочка моя... – нежный шепот, перемежающийся с поцелуями. Каждый как нападение. Как уничтожение моей воли.

Как же я хочу...

И боюсь...

И...

Громов спустился губами по скуле на мою шею. Покусыва-
вая, посасывая и зализывая рану языком, целуя ниже, про-
кладывая дорожку из поцелуев, подбираясь к ключице...

Прошептал:

– Какая же ты еще мелкая, Янка...

Я замерла, балансируя на чертовой грани, зажмурилась,
чувствуя, как по позвоночнику прошиб разряд тока и между
ног заныло. Адски. Но это “мелкая” красным светом бьет по
нервам, и я упираюсь Громову ладонями в грудь.

– Ч-что? – голос, как у прокуренной девицы.

– Мелочь, говорю, импульсивная, – шепчет Громов, упи-
раясь лбом в мой лоб. – Ты ведь сама не понимаешь, что
творишь, девочка.

– А... а ты, надо полагать, понимаешь, да?

Несмотря на пожарище возбуждения внутри, злость на-
ходит, откуда пробиться. Да такая, что я даже нахожу в се-
бе силы сдвинуть скалу мужчину. Оттолкнуть от себя. Дер-
ганно, дрожащими руками поправляю задранную рубашку и
бросаю взгляд в зеркало. Мамочки...

Как я вообще в таком виде из туалета выйду? Глаза безум-
ные, щеки красные, волосы во все стороны торчат, а губы...
про них лучше вообще молчать!

– Кто тебе этот пацан, Яна?

Звучит требовательно. Перевожу взгляд снизу вверх на
Дениса. У него видок не лучше моего, еще и рубашка рас-

стегнута, а к ней вдобавок и ремень на брюках в петлях болтается. Это-то мы когда сделать успели?!

– Я тебе уже сказала, “кто”, – сердце трепыхается в груди, ноги как ватные.

– Не верю.

– Ваше право, Денис Игоревич.

– Денис Игоревич, значит? – зазвенела в голосе сталь.

Денис

Вытащить из петель ремень, что ли, и хорошенько ее выпороть? Тем более, он все равно уже расстегнут ловкими пальцами этой мелочи. А искушение перевоспитать свою знойную зазнобу просто невыносимое!

Мозг уже с энтузиазмом рисует картинки, как я исполосую ее попку вертявую.

Шлепок за шлепком...

А потом зацелую.

Сначала одну упругую половинку...

Потом вторую...

И... млять! Член колом. Зуба аж сводит, как давит. Янка, соответственно, все это видит, глаза ее округляются, устремляясь в район моей ширинки, и мне приходится поумерить пыл. Со всей дури врубить ледяную воду в кране и брызнуть на лицо. Недобро глянув в зеркало на притихшую у меня за спиной дочурку Ленки.

Неправильно это все. П...ц как неправильно.

Ох, чертова Яна!

Устроила тут спектакль. Спровоцировала. Как вообще с ней можно с холодной головой оставаться? Никакого воспитания и чувства такта. Неужели ее грозный батя ей никогда не объяснял, что нельзя до ручки взрослых дяденек дово-

дить? Они и ответить могут. А еще хуже – просто взять свое. Потому что не каждый обладает таким, с*ка, благородством, как я.

Сожрал бы ее всю. Коза!

– Ты так на меня смотришь, что я уже с жизнью прощаться начинаю, – пискнула мелочь.

– Правильно, Елагина. Прощайся, – рыкнул я, стягивая грязную рубашку и отшвыривая ее на раковину. – Еще раз мне на глаза с этим своим Шершневым попадешься...

– Шмелевым.

– Однохерственно, – бросаю, застегивая ремень на брюках. – Увижу вместе, урок полового воспитания устрою. Долгий и со всеми подробностями. Поняла?

– Я вообще-то с Вадиком в одной группе учусь, – задрала нос малышка. – И он друг нашей семьи, так что не тебе мне указывать...

– Господи, Янка! – покачал головой, губы поджимая, – какая же ты еще лялька, честное слово.

– В Сочи тебя это не смущало, однако. И я не лялька!

– Лялька. Самая натуральная капризная лялька.

Ребенок совсем. Глупый и несмышленный. С охрененными формами и уносящими напрочь огромными глазами, но ребенок. Как я этого в Сочи умудрился не заметить, самому удивительно. Сперма, видать, совсем мозг залила.

И сейчас этот ребенок стоит и губы свои припухшие дуэт. Обиделась. Но я расшаркиваться и улюлюкать не привык.

Хотя в этой ситуации следующим после желания отходить ее по жопе ремнем, идет желание обнять и приласкать. И это жутко нервирует! Что, твою мать, со мной происходит?

– Ладно, – бросаю я взгляд на часы. – Раз рубашку мне испортила, иди за футболкой. В машине у меня, в сумке запасная есть. Скажи спасибо, что я такой предусмотрительный. Иначе несдобровать вам, студентка Елагина.

– Чего?! Я тебе не девочка на побег...

Не досушивая возмущенный вопль, вытаскиваю из кармана брюк ключи от машины и впихиваю в руки Яны. Она откровенно обалдело таращится на меня.

Эмоции-то прятать совсем не умеет, девочка. Они у нее на лбу все написаны. Хмурится, удивляется, злится, а теперь вот ехидно улыбается. Наверняка какую-нибудь пакость придумала, стрекоза.

– Только попробуй, – предупреждающе схватил я пальцами острый подбородок. – Отец в свое время по жопе ремнем не отходил, так я отхожу.

Губы складываются в провокационное “о”, а щеки алеют. Яна, возмущенно рыкнув, бьет меня по запястью, скидывая мою руку с себя. Вылетает из уборной.

Яна

Футболка?

Будет вам футболка, Денис Игоревич!

Я злой фурией вылетела из ресторана, стараясь не попасться на глаза родителям и Вадику. Пролетела до парковки, как в сапогах скороходах, и щелкнула брелоком сигнализации. Знакомый черный джип сверкнул фарами, и я, долго не думая, полезла в багажник тачки Громова.

Сумка? Сейчас я найду твою сумку. Зверюга!

Порывшись и без лишних зазрений совести перевернув все вверх дном, вытащила черную футболку. Покрутила, повертела, даже представлять не хочу, как сексуально она обтянет мужской торс! Закрыла машину и огляделась.

Никого. Ни души.

Вот и прекрасно. Фиг вам, а не свидание, Денис Игоревич!

Взяла и со психу рванула края в разные стороны, с треском разорвав тряпку по швам практически напополам. Для пущего эффекта дернула короткий рукав, а вот с горловиной совладать не получилось. Зараза. Ну. и ладно, и так сойдет. Стил "гранж" во всей его красе.

Решительно топая, размахивая черной тряпкой, влетела в ресторан, а оттуда прямехонько в мужской туалет. Швырнула тряпку в мощную громовскую грудь. Реакция у него, кстати,

отменная. Он тут же ее поймал.

– Быстро ты од... – начал мужчина, да осекся. Перевел взгляд с драного нечто на меня, вопросительно выгнув бровь. – Это что?

– Упс, нелепая случайность. За косяк зацепилась.

– Яна!

– Что? – невинно взмахнула я ресницами. – Ты просил футболку, я принесла.

– Так, значит? – недобро рыкнул мой преподаватель.

Денис шагнул в мою сторону. Пугающе решительно, снова вдавливая меня спиной в холодный бетон.

– Ты чего добиваешься, я не пойму?

Так, спокойно, Уля. Нос по ветру, руки сложить на груди и главное, не трястись. Не трястись, я сказала!

– Совершенно ничего...

Обезумевший черный взгляд недобро полыхнул, заволакивая мой мозг туманом, и в следующую же секунду требовательные губы снова накрыли мои. Только в этот раз я не растерялась и со всей своей злостью цапнула Громова зубами за нижнюю губу. Укусила. Полагаю, что больно. Потому что тут же:

– Твою мать, Яна! – схватился за губу Денис, отирая большим пальцем капельку выступившей крови.

– Чертовка.

– Сам ты... дьявол.

Секундная заминка. Я старательно отвожу взгляд от муж-

ского торса и четко вырисовывающихся на нем упругих кубиков под порослью черных волос. Черт! Никогда не любила мужиков с растительностью на груди, но тут душу дьяволу продать готова, только бы прикоснуться снова. Пальчики до сих пор от тактильных воспоминаний покалывает. А уж ниже линии ремня на брюках лучше вообще не отпускаться, там такие бугры, любой мужик бы позавидовал!

Громов молчит. Кадык дернулся, челюсти угрожающе сжались.

– Ладно, – швырнул Денис черные лохмотья в урну. – Поиграть хочешь? Поиграем.

– Что ты делаешь? – опешила я.

Денис демонстративно схватил пиджак и медленно, со своей дикой грацией натянул его на голый торс, застегивая две средние пуговицы. Картинка более чем возбуждающая женский ум.

– Ты что, собрался в таком виде к той баб...

– Не на того напала, Лялька.

Дура, Ульяна! Дура! Она же теперь его сожрет взглядом. Бабища та. Трахнет и в свое личное рабство утащит. Надеюсь, тоже только взглядом.

Денис шагнул в мою сторону и подмигнул:

– А вот это, – подхватил мужчина белую, облитую мною рубашку. – Ты постираешь и вернешь мне, – впихнул мне в руки тряпку и, больше не говоря ни слова, вышел из уборной, хлопнув дверью.

Я от такой наглости аж слова все растеряла.

А вот прыти мне не занимать. Я рванула следом, выскакивая за Громовым, и в пару длинных шагов нагнала его спину. Да вот только не рассчитала.

Мужчина остановился, а я со всей дури влетела носом ему между лопаток, покачнулась и чуть не грохнулась. Благо, я уже говорила, с реакцией у Дениса все было ладно. Он схватил меня за локоть, дернув на себя, каким-то немыслимым образом подтягивая себе под бок и укладывая свою руку мне на талию.

Я уже было хотела вывернуться, дернуться, но тут у меня перед глазами выросло ошарашенное лицо мамы. Глаза очумелые, ноздри раздуваются, губы Елены Александровны в плотную линию сжаты.

– Вы какого черта творите? – грозный шепот. – Ульяна? Что с твоим лицом?! Денис? Ты почему голый?! Вы что... – округлились глаза ма, – Герман здесь, твою мать, Громов! – рыкнула ма, а мне вот теперь по-настоящему страшненько стало.

Что там Денис сказал? Ремнем меня не пороли? Так вот сейчас выпорют. И меня, и его за компанию.

Глава 6

Денис

Дальнейшие события слились в одно мгновение. В тот момент, когда моя рука за талию подхватила дерзкую козу Яну, а взгляд Елагиной старшей меня кастрировал без анестезии, дверь в ресторан открылась. Один взгляд в ту сторону: Герман.

Твою ж... мать, Ульяна-Яна!

Я дернул Янку на себя и крутанул за осиную талию, подталкивая в спину в сторону противоположной двери. Второй рукой подцепил за воротник ее пытавшегося незаметно прошмыгнуть женишка, отправляя следом за девчонкой.

– Какого... – попытался возмутиться мохнатый.

– Такого! – рыкнул я. – Забирай отсюда свою невесту, Шершневу, и чтобы с глаз моих немедленно исчезли оба.

– Я Шмелев! – взвился бедолага, за что я его хорошенько встряхнул. Яна вздрогнула и, будучи далеко не глупой девчонкой, быстро потащила блондинчика за собой на выход. Подальше от грозного бати, который в данный момент уже заметил меня и, чеканя шаг, прямо как в армии, шел в мою сторону.

Судя по взгляду, он просто охеренно “рад” меня видеть. Еще и рядом со своей ненаглядной женой. Ладно, главное, Яна отсюда ушла. С остальным разберемся. Она, к слову, бросила напоследок в мою сторону убийственный взгляд и выскочила в двери. А Лена прошипела сквозь зубы:

– С тобой я еще разберусь, Громов! Если только узнаю, что ты и моя дочь... – но договорить эта пантера не успела. Только улыбнулась, и вот он. Тут как тут, прямо передо мной нарисовался генерал Елагин собственной погонистой персоной.

– Сколько лет, сколько зим, товарищ Громов. Денис Игоревич, – нарочито бодро прозвучало звучным басом моего старого знакомого.

Хотелось ляпнуть: да предпочел бы еще столько же вас не видеть, Герман Павлович, но женский острый каблучок вовремя заехал мне по ноге. Заставляя молча взвыть от прострелившей боли, улыбнуться и протянуть руку.

– Герман, рад повидаться.

Ни хера подобного. Я человек не злопамятный, но память у меня хорошая. А этот полкан, ныне генерал, в свое время из-за глупой ревности мне достаточно кровушки попил. В свое время со службы из-за него и пришлось уйти. Все крапы перекрыл, скотина. Правда, на наше с его женой общение это не повлияло. Как итог, насколько сильно я обожаю Ленку как друга, настолько же сильно Елагин терпеть меня не может. Идеальный баланс.

Теперь, надеюсь, воображаете себе весь масштаб проблем, в которые я встрял, закрутив недороман с его дочуркой? За жену он меня готов был по миру пустить, а за дочь? Найдут мой хладный труп в какой-нибудь сточной канаве однажды. Будь я моложе, впечатлительней и умней, при таком раскладе по кривой дуге Елагину младшую обходил бы. Но я так не умею. К сожалению для Германа. Натура у меня не такая. Максималист: либо все, либо ничего, третьего не дано.

– Не могу сказать, что взаимно, – с некоторой заминкой, снисходительно пожал мою протянутую ладонь Елагин. Сжал как надо. Годы идут, а мужик совсем не стареет. Все такой же высокий, поджарый, кремень, одним словом. Молодец Ленн Санна, качественный экземпляр себе захапала в свое время.

Хотя вопрос, “кто кого захапал”, весьма спорный.

– Как всегда, сама любезность, Герман Павлович.

– Ты же знаешь, выправка не та, чтобы льстить.

– Что-то такое припоминаю.

– Что с губой? – махнул головой собеседник.

Я отер большим пальцем каплю крови, выступившую на прокушенной зубками его ненаглядной дочурки нижней губе, и ухмыльнулся.

– Боевое ранение. Птица укусила. Обломинго называется.

– И часто к тебе такие залетают, Громов?

– Как минимум, двух за свою жизнь уже повидал.

И обе с фамилией Елагина.

– Мальчики, – примирительно кашлянула Лена, – мы тут не одни. Хватит своими агрегатами мериться!

– В тунусе держат. Не всем же на твою шею вешаться, Громов, – пропустил мимо ушей “шик” жены Герман, ухмыльнувшись. – А вообще, признаю, я удивлен тебя здесь увидеть, Денис, как будто в городе других ресторанов не нашлось.

– Столица – одна большая деревня. Кстати, да, Лена мне это место в свое время и посоветовала. Я запомнил и оценил. Теперь вот, время от времени навещаюсь.

Ввернул тонкий намек, зная, что любимого Ленкиного “Геру” это жутко взбесит. Хотя и виду он не подаст. Любимый ресторан его жены, в котором я “время от времени” ошиваюсь, только что потерял одного клиента, как минимум.

– Господи, вам лет сколько? – рыкнула Лена. – Ведете себя, как дети. Гера! Ну, хоть ты будь умнее.

– Да что ты, Леночка, родная, мы просто беседуем. Разве не так в светском обществе принято? – поцеловал жену в щеку генерал.

– Да, вот, например, погода сегодня замечательная, – заметил я, – осень, кстати, теплую обещают. Слышали?

– Невыносимы. Оба! Ну вас! – махнула рукой Елагина, возвращаясь за свой столик.

Мы с собеседником молча проводили женщину взглядом. Герман был в молчаливой ярости, а я просто уже ждал, когда этот адский денек закончится.

– Ты здесь по работе или так, Денис?

– Совмещаю приятное с полезным, – ухмыльнулся я, бросив взгляд на сидящую в ожидании за столиком “клиентку” Людмилу. Дамочка буквально на заднице подпрыгивала от нетерпения.

Герман проследил за мной взглядом и одобрительно хмыкнул. Будто успокоился, поняв, что я на руку и сердце его драгоценной жены не претендую.

Нет, он серьезно думает, будто столько лет спустя и после такого количества “показательных пороков”, когда он уже прочно и давно окольцевал свою Ленку, что я все еще буду к ней шары подкатывать? Смешно. Да и было-то такое всего раз. Ладно, два или три, но первый по глупости, а второй по просьбе самой Морозовой-Елагиной. Ревность она в будущем муженьке вызвать решила, а в итоге я под паровоз попал.

– Ну что ж, не буду задерживать, а то дама заждалась. Приятного вечера, Денис Игоревич, – кивнул собеседник, похлопав меня по плечу.

– И вам всего наилучшего, Герман Павлович, – кивнул я. – Приятно было повидаться.

Генерал прошелся удивленным взглядом по моему “наряду” без рубашки и молча вернулся к себе за столик. И дураку понятно, что от случившейся встречи оба остались в весьма скверном расположении духа. А если прямо говорить, на хер бы мне не нужны такие “приятные неожиданности”.

Я одернул полы пиджака и, проклиная Яну за ее финт с футболкой, двинулся в сторону своего столика, за которым меня заждалась Людочка. Надеюсь, увидев меня без рубашки, жаждущая секса дамочка не грохнется в обморок. От нее так и несло отчаянным желанием продолжить вечер где-нибудь не тут, но я был не то что не в настроении, а совершенно точно не готов ублажать сегодня кого-то, кроме себя и своей потребности доползти до кровати и вырубиться к чертям.

Яна

– Ну-у-у, Елагина, рассказывай, – заявил Вадик, паркуя машину и глуша двигатель. Повернулся ко мне всем телом и уставился, вальяжно устроив левую руку на руле. Взгляд, полный решимости, улыбка, полная готовности обстебать меня всю за мою феерично веселую жизнь и умение вляпаться в курьезные ситуации.

– Что тебе рассказывать? – вжала я голову в плечи, отводя взгляд.

– Да все по порядку. Что у тебя с этим громилой? Откуда знакома? Какого черта ты с ним в мужском туалете делала? И так далее по списку. Не заставляй меня самого строить предположения, Уль. У меня фантазия богатая.

– Вот только не надо! – закатила я глаза.

Уехав из ресторана, мы поколесили по городу и, в конце концов, остановились на парковке у набережной. Домой Вадик меня возить напрочь отказался, пока я все ему не объясню. Всю дорогу я честно пыталась отбиваться, но терпение мое лопнуло. Врать я никогда не любила, тем более близким людям. А ближе, чем Вадик, у меня друга или подруги не было, да и знание того, что он вроде как “свой в доску” парень, немного облегчало задачу. Такому как он не страшно было “душу излить”.

– Только обещай сильно не ржать, – пробурчала я, уставившись на свои переплетенные в замок пальцы.

– Э, нет, подруга. Этого обещать не могу.

– Вадим! – ткнула я кулаком в плечо парня.

– Ладно-ладно, я попытаюсь, честно.

Я смирила друга недовольным взглядом, прикидывая, может, все же стоит держать язык за зубами. Но припомнив, что невольно и его втянула в эту “игру”, решила, что молчать было бы свержством, и начала. Рассказ свой. С самого первого дня в отеле и знакомства с нашим будущим преподавателем “уголовного права”.

Парень по-честному держался до последнего, но на моменте, как я смоталась от Громова в отеле заржал, как конь. Хотя я и не вдавалась в пикантные подробности (щеки у меня и без этого были алые, как закат за окном), но это не мешало Шмелеву искренне и от всей его широкой души гоготать на весь салон. Так громко, что пришлось его пару раз хорошенько стукнуть.

– Ты же обещал, Вадим!

– Прости, прости, Уль, – закатываясь, хватая ртом воздух, выдал парень, – но уже одна картинка облома такого мужика, как наш Громов, – поистине редкий кадр.

– Не смешно, – буркнула я, надув щеки, машинально перебирая пальцами грязную белую рубашку мужчины, которую мне приказали постирать и вернуть. Вот только фиг ему! Большой и толстый. Моя будет. Ночнушка новая. Она, кста-

ти, им пахла. Очень-очень ярко и вкусно пахла. Так и манила мой нос, который жаждал уткнуться в хлопковую ткань и полной грудью вдохнуть горьковатый парфюм.

– Ты видела, как девчонки в нашей группе на него отреагировали? Та же Милка душу дьяволу бы продала, чтобы такого в постель затащить. А ты... – улыбаясь, отмахнулся Вадик. – Эх, ты-ы-ы, Елагина. Соблазнительница недоделанная.

– Я тебе рассказала, чтобы ты мне совет дал, Казанова, блин. А не смеялся надо мной. Между прочим, это стыдно было!

– Да ладно, не ты первая, не ты последняя.

– Что это значит? – аж подпрыгнула я на месте. – Думаешь, у него кто-то есть?

Вадик аж опешил от такого вопроса. Глаза навывкат, рот буквой “о”, и хлоп-хлоп своими раздражающе длинными ресницами. О таких каждая девочка мечтает! Несправедливо, что они такому распутному бабнику достались.

– Ты угораешь, Елагина? У такого, как Громов? Сдается мне, ты вообще мужской пол знаешь плохо, да?

– Ну, – я пожала плечами, закусив губу. Отношений нормальных, продолжительных, у меня еще не было, а все попытки построить свою личную жизнь терпели крах после первого же свидания. Все было не то и не так. Благодаря отцу и его непростой профессии, у меня в голове жил вполне определенный образ настоящего мужчины. А то, что прихо-

дило ко мне на встречу, были по большей части мальчишки со смазливými мордашками, как у Вадика, ветром в голове и с весьма ограниченными увлечениями и мечтами. Больше чем уверена, такие не то что гвоздь забить не смогли бы, но даже и как молоток-то выглядит, не в курсе.

В общем да, современный мужской пол я знала скверно. И Вадик это понял по моему взгляду и многозначительно молчанию.

– Я тебя уверяю, там уже зарубки ставить некуда на этом твоём Денисе, – ухмыльнулся парень. – Уверен, что у него постель, как конвейер. Баба за бабой. Тем более, раз не женат и отношениями не обременен, – сказал Вадик. Да так беззаботно и таким тоном, будто о само собой разумеющемся поведал.

Мне стало обидно. Наверное, я романтичная дурочка, которая совершенно не по понятиям современного мира живет, но в моей голове был совсем другой образ Дениса. Я почему-то была уверена, что он не такой. Не похож он на мужчину, который меняет баб каждую ночь, распыляя силы и время на малознакомых ему девушек. Почему я так решила? Да потому что со мной он был слишком... правильным, что ли. В Сочи. Настоящим и искренним. Ведь за все время, до последнего дня, ни похабного намека или пошлой шутки. Нет, не такой он!

Решила, да тут же себя и отдернула.

О чем ты, Яна? Сама же видела его сегодня с бабой в кафе.

А вся его “искренность” в отеле была маска, дабы добиться от меня абсолютно не романтического. Того, что нужно абсолютно каждому нормальному, здоровому, взрослому мужику.

– Чувствую себя дурой, – сокрушенно вздохнула я. – А я ведь еще ему ляпнула, что ты мой жених.

– Зачем? – вытупил глаза Вадик. – Уля, блин!

– Позлить его хотела. А то весь такой шикарный, весь такой решительный, аурой своей мужской задавить решил, ну вот, я и взбрыкнула, – выпалила я, с каждым следующим словом говоря все тише, по мере того, как сильнее начинал злиться собеседник.

– М-м... прости? – спросила, примирительно улыбаясь.

– Прости? Ульяна, ты издеваешься?! Да он же меня теперь задрюкает! Я-то и думаю, чего прикопался: Шершне-Шершне-Шершне, млять! – чертыхнулся Вадик, стукнув по рулю. – Ну, ты, Уля, конечно, молодец. Такая подстава. Мне ни в коем случае нельзя завалить “уголовное”, иначе это будет провал! Отец меня со свету сживет, и про отношения со Светкой я могу забыть!

– Да с чего ты взял, что завалишь? Ну, побесится да успокоится наш Денис Игоревич. Да и вообще, не уверена я, что это его прям сильно задело.

– Ага, не уверена, говоришь? Ты взгляд его бешеный на паре видела?

– Нет, – честно выпалила я.

– Ну, твое счастье, Елагина, значит. Твое счастье, – повторил задумчиво Шмелев. – М-да, ситуевина, конечно, огонь. Попали, так попали. Этот собственник меня теперь со всеми потрохами сожрет.

– Правда?

– Вот я тебе иногда искренне удивляюсь, Ульяна, – возмущенно запыхтел Вадик. – Вроде девочка далеко не глупая, взрослая, а элементарных вещей не видишь. В такие моменты мне за тебя искренне страшно, как ты до своих лет с такой наивностью вообще дожила?

– Ты себе придумываешь, – отмахнулась я, хотя у самой на душе так необъяснимо тепло стало. Вот точно, девушки любят ушами! Стоило Вадiku только намекнуть, что Денис может ко мне какие-то собственнические чувства испытывать, так сразу бабочки в желудке вспорхнули. Крылышками своими бархатными защекотали.

– Ладно, беда моя, прорвемся, – немного погодя улыбнулся Вадик, – не впервой.

– Я знала, что могу на тебя положиться, Вадь!

Вадик разулыбался и гордо задрал нос.

– Еще бы! Ну что, куда тебя отвезти? Домой?

– Угу. Поеду вот, рубашку стирать, – показала я зажатую в руках ткань. – А ты?

– А я поеду к Ксюхе. А то она наверняка меня уже зажда-лась, мы договорились вместе поужинать. Завтра утром за тобой заезжать?

– Да нет, брось. Тебе от нее почти на другой конец города мчать. Сама доберусь до универа.

– Как знаешь, – пожал плечами друг, заводя машину, – но если вдруг что поменяется, звони. Ты же знаешь, да? В любое время дня и ночи.

– Как всегда, – улыбнулась я, кивнув.

“В любое время дня и ночи” – любимая фраза Вадика, которую он всегда говорил мне на прощание. Что самое классное, я знала, что произнесено это не просто для красивого словца. Знала, что если мне действительно однажды понадобится его помощь, парень будет готов примчаться даже на край земли, несмотря ни на что. И это очень грело душу.

Машина тронулась с места. Вадик уверенно управлял стальным конем, а я украдкой за ним следила. И нет, никаких сексуальных эмоций Шмелев во мне точно не вызывает, а вот душевное тепло вполне. Очень жаль, что отцы вбили себе в голову такую дурацкую идею – женить нас. Воспитывая с детства как брата и сестру, они сейчас прям возжелали чего-то аморального, потому что, кроме как крутого друга и не кровного родственника, больше ни в каком качестве я Вадика рассматривать отказывалась. Так же, как и он меня, будучи по уши влюбленным в Ксю.

Мысли снова сами собой убежали к Громову и случившемуся в ресторане. Я украдкой коснулась пальчиками губ и неожиданно поймала себя на странной мысли, которую до этого все никак не могла ухватить: откуда Денис мог знать,

что мужчина, который вошел в ресторан, был мой отец? Если только он с ним не знаком...

Денис

До дома я добираюсь только через добрых три часа. После того, как мы все обсудили в ресторане, и я умудрился отвлечься от клиентки, пришлось заскочить в офис, где я и убил большую часть времени.

Полученная информация требовала структурирования и незамедлительно обработки. Дело, которое побудило Людмилу ко встрече, было обыденное и плевое, поэтому, думаю, через неделю мы с дамочкой уже распрощаемся. Мне даже особо усилий прилагать не придется. С делом справятся мои ребята.

Загнав тачку в гараж, наконец-то переступаю порог дома. Включаю свет в прихожей, и на меня тут же с приветственным лаем налетает четвероногий монстр, проскальзывая по полу когтями, чуть ли не на шею ко мне запрыгивает.

– Арс, – улыбаюсь я, схватив собаку за черную морду. Жутко приятно знать, что тебя дома ждут. Пусть даже это пес.

История его появления у меня вообще весьма нетривиальна. Я по причине своих постоянных разъездов и склада характера никогда не стремился заводить какую-либо живность в доме. Мне было не до этого. Но когда на порог нашего агентства подкинули щенка добермана, угольно-черно-

го цвета с умняющими черными глазами и коричневыми симметричными подпалинами по всему телу, пришлось невольно ввязаться в “заботу”. В ветеринарке, куда щенка отвозил я лично, вет удивленно косился на меня, уверяя, что не может быть, чтобы такого красавца просто выкинули. Судя по его словам, он не просто породистый, а еще и идеальный выставочный экземпляр, что делало выброс щенка делом из разряда фантастики, потому что стоил такой целое состояние. Но я клялся и божился, что мне такое “соседство” на фиг не нужно. Однако девать его было некуда, не на улицу же выбрасывать, и таким образом пес оказался у меня в доме. Пока моя секретарь пыталась раскидать объявление по соцсетям и пристроить этого черного говнюка в добрые руки, он успел разнести к чертям мне всю хату. Изодрать всю мебель и буквально вынудил нанять для него кинолога. Время шло, пацанчик рос, умнел, становился идеально выдрессированным охранником дома, ну, а я начинал к нему прикипать. Уходил под прощальный лай, возвращался под приветственный. Да и дома было с кем потрещать по душам. Щенок взамен все больше и больше ко мне привязывался, становясь чуть ли не родственной душой. В общем, когда пришло время и нашлась семья заводчиков, я не смог. Отдать эту зверюгу не смог. С тех пор вот, прошло больше двух лет, а я теперь жизни без Арса себе не представляю. Верный товарищ, преданный друг.

– Как ты, дружище? – потрепал добермана за ушами, по-

лучив в ответ громкий требующий объяснений лай. Иногда мне кажется, что это я у него живу, а не наоборот. Вот и сейчас этого жутко умный доberman встал в стойку и уставился на меня своими черными глазами. Чертовски ясным взглядом, будто все понимает. Гавкнул, лапу протянув.

– Ну, не кипятись. Чутка загулял. Тебя тут и без меня, смотрю, неплохо кормили.

Прошел на кухню, проверяя, полны ли миски. Четыре когтистые лапы протопали следом. Оглянулся, домработница явно сегодня захаживала. Холодильник полный, кухня сияет, миски до краев.

– Ну вот, и чего жалуешься?

Пес звучно зарычал.

Скинув наконец-то с себя костюм, я принял душ и устроился с ноутбуком в кабинете. Голова работать отказывалась, а мысли то и дело к Янке уносились. Это одновременно и жутко раздражало и заставляло нервно поглядывать на телефон. Я уже даже прикинул, что для меня раздобыть ее номер будет совершенно не проблема, чуть не сорвался и не набрал, когда в гостиной послышалась возня.

– Арс? – позвал пса, но тишина.

Прислушался... снова цокот когтей по паркету. Раздражают дорогуший пол, каждый звук, как удар ножа по сердцу. И следом за лапами шелест чего-то раздражающего слух. Он там катает по полу что-то, что ли?

– Арс! – выглянул из кабинета, бросая взгляд вниз. На

первый этаж. Эта жопа с хвостом носился по всей гостиной, играя лапой с какой-то ерундой, которая и шелестела.

– Что там у тебя, парень?

Спустился вниз, притормаживая пса за ошейник, присаживаясь и забирая у него из-под лапы причину шума. Серьга. Маленькое черное колечко. Любопытно, я про него и забыл совсем. Помнится, по молодости таскал эту серьгу в ухе, потом снял. Вроде как директору большой фирмы не солидно. Думал, кольцо уже давно где-нибудь на помойке валяется, а оно вон оно как, оказывается.

– Ты где его взял, Арс? – покрутил в пальцах колечко, рассматривая. Наверное, домработница убиралась и не заметила. Выпало, может, откуда? Пес гавкнул, поддакивая, и потянул лапу, требуя свою новую игрушку ему вернуть.

– Нет, прости, дружище, в другой раз, – забрал безделушку пряча в карман, – у меня для тебя игрушка получше будет, – схватил валяющийся неподалеку желтый теннисный мячик и, покрутив у собаки перед мордой, швырнул его в стену. Мяч отпружинил и покатился по полу в сторону кухни, Арс, высунув язык, помчался следом. Счастливый, как малое дитя. Нашел мячик и тут же в зубах притащил его мне, бросая у ног, явно не имея намерений отпускать меня обратно в кабинет.

– Хочешь поиграть?

Пес ответил звонким “гав”.

Что ж, собака, как ребенок. Тоже требует внимания. По-

хоже, работа на сегодня закончилась. Может, оно и к лучшему, меньше времени будет, чтобы о Елагиной думать. Завтра мне еще допрос с пристрастием от Ленки предстоит. Жопой чую, просто так она ситуацию в ресторане мимо себя не прокинет.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.